

18+

КАЈЛЕЏОСКОТ
КОРОЛЕВА ТАМАРА

Тамара Королёва

Калейдоскоп

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42646914

ISBN 9785449687197

Аннотация

В новом романе «Калейдоскоп» автор продолжает вечную тему – поиск счастья. На его страницах вы встретите уже знакомых героев из романа «Простая история» и познакомитесь с новыми. Вместе с главной героиней – Ритой Беловой – читатель войдет в лабиринт жизненных коллизий, смешных, а порой трагических, но выход всегда есть. Главное найти его.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	37
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Калейдоскоп

Тамара Королёва

Посвящается моему папе.

И однажды ты спрашиваешь себя: «Почему человек рождается? Почему он умирает? Почему он страдает? Зачем он живёт?»

© Тамара Королёва, 2019

ISBN 978-5-4496-8719-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Порыв ветра поднял вверх прошлогоднюю листву и погнал по асфальту, Рита наклонила голову вниз, защищая лицо от пыли, но что-то кольнуло в глаз.

Она вытащила из сумочки платок, глаз слезился, но боль прошла. В груди защемило, как будто соринка попала прямо в сердце. Рита ускорила шаг. Когда свернула на набережную, она уже бежала.

Красный свет горел очень долго, машины двигались в своем не кончаемом потоке. Вот, дом с башенкой. Рита вошла в парадную, консьерж приветливо улыбнулся, кажется, что-то сказал. Рита ответила дежурным кивком головы. Второй

этаж, дверь, номер семнадцать, блестит золотом. На секунду Рита остановилась, перевела дыхание и нажала кнопку звонка.

Она потом вспоминала, почему она позвонила, и еще долго ждала, что дверь отворится, ведь ключ от дома лежал у нее в сумочке, и сама себе отвечала, она хотела еще немного побыть в своей сказке, она еще держала свой калейдоскоп со сверкающей картинкой, которую не хотела менять ни за что на свете.

За дверью стояла тишина. Рита медленно достала ключ, открыла дверь, прошла в прихожую. Калейдоскоп дрогнул и блестящие камешки мгновенно сложились в черную картинку.

По квартире ходили люди в форме, их вызвал врач «скорой помощи».

– Так положено. Смерть наступила, по предварительному заключению, вследствие отравления. Так что будем вызывать – развел он руки.

Рита сидела в кухне, отвечая на вопросы молодого человека.

– Я уже говорила, – она обессиленно опустила руки, – я вернулась домой, он уже не дышал. Таблетки принимал, у него было заболевание. Про то, что хочет уйти... – Рита опустила голову и замолчала.

Молодой человек записывал что-то на листе бумаги, склонившись над столом.

– Я вас понимаю, – он оторвался от своих записей, – но и вы меня поймите, так положено. Вот, распишитесь. – Он пододвинул Рите лист, на котором было что-то написано. Читать Рита не стала, подписала.

– Вы бы все-таки ознакомились.

– Зачем? – Рита подняла глаза и посмотрела на молодого человека.

– Ну, смерть не однозначная, тут еще разбираться будут.

– Долго?

– Не могу вам сказать. – Молодой человек собрал со стола бумаги. – Я вам телефончик оставил, позвоните завтра. Труп мы забираем.

– Куда?

– В морг, – произнес он обыденным тоном, одновременно складывая бумаги в папку.

Ему было все равно, у него был еще один выезд, а вечером футбол и надо успеть.

– До свидания.

– Прощайте, – ответила Рита.

Молодой человек скрылся, за ним ушли и люди в форме.

Рита сидела в кухне, склонив голову.

Вокруг Риты был белый шум. Ей хотелось закрыть глаза и уснуть. Пусть все это будет только сон.

Глава 1

Окно выходило в школьный двор. Рита смотрела на играющих во дворе мальчишек, которые оголтело гонялись за мячом, сваленные в кучу портфели валялись рядом под кленом. Дерево уже запестрело осенними красками. Рита прищурила глаз, чуть наклонила голову, и дерево превратилось в цветную картинку калейдоскопа.

– Белова, – от неожиданности Рита вздрогнула, перед ней стоял Костя Овчинников, шалопай и балагур, из параллельного 10-б, – ты что здесь прохлаждаешься? Там народ голосует.

– В смысле?

– В смысле ты за Льва Толстого или за Анну Каренину?

– Аа... – протянула Рита и отвернулась к окну.

– Да я серьёзно, Белова. Там твоя подруга в гордом меньшинстве.

– Костя, – Рита повернула голову в сторону молодого человека, – я свое мнение высказала, пусть спорят, если заняться нечем, – добавила Рита безразличным голосом, только ярко вспыхнувшие щеки выдали ее волнение.

А волнение Риты вовсе не касалось вопроса, который возник спонтанно и перерос в диспут: «Зачем Лев Толстой убил Анну Каренину?»

Нет, конечно, вопрос Риту зацепил, но волнение у нее вы-

зывал совсем другой человек, и он не был похож на Льва Толстого, хотя многое объединяло молодого учителя Платона Андреевича Вольского и классика русской литературы, а именно – сама литература.

Платон Андреевич пришел в школу в начале учебного года и сразу попал на передовую: учителем русского и литературы в выпускном десятом классе.

Платоша, как его прозвали старшеклассники, сразу кинулся в бой. Он реорганизовал факультатив по литературе, создав симбиоз дискуссионного клуба и драмкружка. Он увлеченно рассказывал о новых постановках, студенческих театральных работах, даже самые далекие от литературы были вовлечены в процесс. Жизнь вокруг Платона Андреевича бурлила.

Вот он-то и был предметом волнения Риты Беловой, умницы, красавицы и без пяти минут золотой медалистки.

О нем она думала ложась спать, с мыслью о нем вставала утром. Маргарита Белова влюбилась.

– Это навсегда, – констатировала Рита, глядя вдаль, когда верная подруга Любаша приводила ее в чувства.

– Ритка, ты не о том думаешь, – Любаша, всегда спокойная и уравновешенная, нервно жестикулировала руками перед лицом подруги. – У нас последний год, надо собраться. Какая любовь? Мы сейчас перед выбором стоим. Куда пойти?

– Я уже выбрала.

– Нет, то что филфак, это не обсуждается, – Любаша поправила выбившуюся прядь волос за ухо, она все еще волновалась, – но вот...

Закончить она не успела.

– А вот и нет, – Рита заговорщицки прищурила глаз.

– Как это нет? А куда?

Обескураженный голос подруги развеселил Риту, и она начала подтрунивать над Любашей.

– Секрет.

– Ритка, – Люба насупилась, уголки губ поползли вниз, кончик носа опустился, круглые очки сползли с переносицы. Точь-в-точь совенки.

– Ладно, тебе скажу. Для остальных – секрет, – Рита сделала паузу и продолжила, отделяя слова друг от друга: – Я буду поступать в театральный! – Последнее слово она выкрикнула и протянула руки вверх.

Любаша поправила очки, потом сняла их, вытащила носовой платок, протерла стекла. Затем как можно спокойнее произнесла:

– Это утопия. Ты – не актриса.

– А вот и не утопия. Платоша сказал, что у меня есть перспективы.

– Платоша сказал... – Любаша наморщила нос, – Он это и Шоховой сказал, но она почему-то не бежит в театральный, а продолжает ходить на подготовительные в торговый. Ты что, Белова, задумала? Погубить себя?

– Нет, я стану известной актрисой, – Рита подняла глаза вверх. – Такой как Фаина Раневская или нет, как Алиса Фрейндлих, Платону Андреевичу она очень нравится, – добавила девушка. – Мое имя будет на афишах, и он наконец полюбит меня, женится и... – на этом Ритина фантазия оборвалась.

– Родишь детей, наденешь халат, тапочки и будешь варить кашу в кухне, – закончила за нее подруга.

– Недобрая ты, Люба.

– Я-то как раз тебе добра желаю, – Любаша вздохнула. – А ты просто влюбленная дурочка.

– А ты похожа на мою бабушку, когда она ворчит. Но я тебя люблю, – последнюю фразу Рита пропела и обняла подругу. – Ты мне лучше скажи, чем у вас спор закончился?

– Да там уже не понятно, все так орали. Кто о том, что Каренина безнравственная женщина, другие, что Вронский – предатель, а Каренин – мученик. Винегрет, короче.

– А ты?

– Я считаю, что это был логичный конец, Анне больше нечего было делать, только под поезд, – Любаша поправила очки.

– А я думаю... – Рита на секунду задумалась. – Она искала свободу, а свобода была для нее в другом мире.

– В каком другом мире? – произнесла Люба в недоумении.

– Может и Лев Толстой думал о свободе, – Рита сделала паузу. – Но скорее все-таки – любовь.

– К кому?

– Смешная, конечно к Вронскому. Всё, диспут окончен. Не хочу больше думать про Анну Каренину, хочу мечтать об актрисе Маргарите Беловой.

– Звучит, – одобрила Любаша. – А я буду писать пьесы для тебя, – добавила она, мечтательно глядя в окно, где мальчишки все так же пинали мяч, стараясь попасть в импровизированные ворота.

После новогодних каникул Платон Андреевич предложил поставить «Цыган». На ближайший понедельник была назначена читка. Рита волновалась, как перед контрольной. Всю неделю она ходила с томиком Пушкина и самозабвенно читала «Цыган». За всех подряд, но больше всего она хотела получить роль Земфиры. Любаша энтузиазма не разделяла:

– Ну какая из тебя Земфира? – она отошла чуть в сторону, критически оглядывая подругу. – Земфира – цыганка. Ты вот можешь так плечами трясти? – Люба подняла голову, выпрямила спину, и ее плечи завибрировали, как будто по ним пробежал электрический заряд.

– При чем здесь это? Главное, что я чувствую себя Земфирой. – Рита замолчала.

– Ладно, тряска не аргумент, но ты на цыганку вообще не похожа. Блондинка, да и формы, больше на Царевну Лебедь похожа, – протянула Любаша.

– А ты – на ученую сову, – в голосе Риты послышалась обида. – А по-твоему, кому Платоша отдаст роль?

– Может, Шоховой? Она внешне подходит.

– Вот именно, внешне. Земфирой буду я, – твердо произнесла Рита.

Накануне читки Рите приснился сон, что она на сцене, из зала на нее смотрит Платон Андреевич и что-то шепчет, а Рита стоит и молчит. Она не помнит слов. Из темноты зала ей начинают подсказывать, шепот переходит в гул, Рита – молчит. Она проснулась, в горле пересохло, сердце колотилось. Она протянула руку и нащупала гладкую поверхность книги, томик Пушкина лежал рядом с подушкой, сон опять окутал сознание, строки из поэмы ожили, зазвучали на разные голоса:

«Веду я гостя; за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на ночь зазвала.
Он хочет быть как мы цыганом;
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду
Его зовут Алеко...»

Рита повторяла и повторяла слова, пока сон не овладел ею и не закружил в ярких красках, и звуках монист. Во сне она была Земфирой.

Но сон оказался только сном. Роль Земфиры неожиданно для всех получила Люба. Платон Андреевич поступил как настоящий худрук, объяснять свой выбор не стал. Рите предстояло читать за автора. Любаша пребывала в растерянно-

сти:

– Я не понимаю, почему я? – голос звучал виновато.

– Какая разница – почему? Ты будешь Земфирой.

– Но я не смогу. На сцене перед всеми, нет, – Любаша опустила голову.

– Все ты сможешь. Я помогу, будем вместе репетировать, – Рита вышла из-за парты и подошла к доске, взмахнула руками, как бы набрасывая импровизированную шаль на плечи и продекламирровала низким грудным голосом: «... Веду я гостя: за курганом его в пустыне я нашла и в табор на ночь зазвала...»

– Здорово! – Любаша смотрела на подругу с восхищением. – Я так не смогу, – голос сник.

Сыграть роль Земфиры, Любе хотелось и не хотелось одновременно. Она помнила, что любой вызов к доске она переживала так, что голос порой отказывался звучать и переходил на шепот.

– Сможешь. Платошу подводить нельзя, – сказала, как припечатала, Рита.

Глава 2

Премьера была назначена на конец марта, перед весенними каникулами. На последнюю репетицию, на которую пришли директор и завуч, Платон Андреевич привез костюмы.

– Вот, дали под мою ответственность, на три дня. Так что сегодня у нас – последний прогон. Не подведите, в зале зрители, – Платон Андреевич сжал руки в кулаки. – Держитесь. А где Люба? – он повернулся в поисках Земфиры.

Люба стояла в стороне, губы шевелились, она повторяла роль.

– Люба, – Платон Андреевич позвал громче. Девушка обернулась, в глазах был испуг. – Вот это лично для тебя выпросил у костюмера, – Платон Андреевич достал пеструю шаль с бахромой и монисто. – Будешь настоящей цыганкой, – добавил он, глядя на Любу. – Не слышу возгласа радости.

– Да, – полушепотом отозвалась Любаша.

– А что с голосом?

– Все в порядке, Платон Андреевич, не беспокойтесь, – на подмогу пришла Рита, – мы сейчас водички попьем, и все хорошо будет. Вы идите в зал, там уже Петр Николаевич подошел.

– Ну, смотрите, Белова, я на вас надеюсь.

Рита в ответ кивнула.

– Будьте спокойны.

Рита свое слово сдержала. Прогон прошел на ура, в роли Земфиры выступила сама Рита Белова, Любаша так и не смогла преодолеть страх перед залом, голос не вернулся, а Рита знала всю роль назубок. Все произошло спонтанно и естественно, никто из присутствующих даже не заметил.

– Ну ты, Белова, даешь, – от волнения Платон Андреевич перешел на «ты». – Как я не увидел? Да ты прирожденная Земфира, хотя совсем на нее не похожа. Молодец, – добавил он, – завтра сможешь повторить?

– Легко, – пропела Рита и потрясла плечами, как настоящая цыганка. Этому трюку она упорно училась два месяца вместе с Любой.

– Смотри, завтра будет один человек из театра. У него глаз-алмаз, он таланты с закрытыми глазами определяет.

– А зачем ему тогда глаз-алмаз, если с закрытыми?

– Шутите, Маргарита Белова? А вот я не шучу, у вас талант, – констатировал Платон Андреевич.

Спектакль состоялся, зал аплодировал, ребята девять раз выходили на поклон, Рита купалась в аплодисментах, ей хотелось, чтобы это длилось и длилось, она даже забыла про свою любовь к Платону Андреевичу. Рита была счастлива.

Время бежало быстро. Каникулы пролетели, а за ними и последняя четверть. До золотой медали Рита не дотянула. Родные сетовали, что это ее игра в театр все испортила, поступление в университет под угрозой. Девушка на вопросы

родных отвечала молчанием, она-то уже решила, что поступать будет в театральный. Вот только надо поговорить с Платоном Андреевичем, важный разговор Маргарита назначила на выпускной.

В этот день она решила объясниться с Платоном Андреевичем, ведь с этого момента, когда в ее руках будет аттестат, она не ученица, а он не учитель. И ничто не может им мешать быть вместе, так думала Рита, примеряя платье из нежно-бирюзового шелка. Рита повернулась боком, шелк струился и переливался, закрывая колени. Рита недовольно наморщилась, затем чуть подняла подол, потом еще выше. Лицо расплылось в улыбке, но стоило разжать пальцы, как шелк вновь окутал на секунду открывшуюся красоту. Рита с грустью смотрела на свое отражение в зеркале, оно Рите, категорически не нравилось.

На нее смотрела стройная блондинка с серо-голубыми глазами, маленьким аккуратным носиком, чуть вздёрнутым вверх, с поднятыми вверх уголками губ. До роковой женщины этот образ не дотягивал. Рита нахмурилась. Надо что-то менять. Она решительно взяла со столика темные тени и начала тщательно прорисовывать глаза. Через полчаса образ был завершен. Рита подмигнула своему отражению и вслух произнесла:

– Все, Платон Андреевич, сегодня или никогда.

Она театрально вскинула голову и вышла из комнаты.

Выпускной бал подходил к концу, весь вечер Рита искала

момент подойти к Платону Андреевичу, но, как только она направлялась к нему, его как назло кто-то отвлекал и уводил.

– Всё больше не могу, – Рита обреченно села на стул. Верная Любаша была рядом.

– Брось ты эту затею, Риток. Видишь, Платон Андреевич неменяемый, он сегодня дежурит, ему не до любви.

– А я не могу ждать.

– Терпение, только терпение, – Любаша встала и потянула подругу за руку. – Пойдем лучше потанцуем.

Рита взглянула на подругу, в глазах стояли слезы.

– Ты что правда, не понимаешь? – она вырвала руку, – Мне плохо. Не ходи за мной! – выкрикнула Рита и быстрым шагом направилась в сторону выхода.

Любаша растерянно смотрела вслед подруге.

– Зачем такая любовь, если так мучиться? – Любаша вздохнула.

– Сазонова, – раздался голос сзади, – тебя можно пригласить? – Над ней возвышалась фигура Кости Овчинникова.

– Можно, – Люба поправила очки и подала руку. Краем глаза она увидела, что Платон Андреевич тоже вышел, вслед за Ритой. – А может, и хорошо, – тихо произнесла Любаша.

– Что? – Костя наклонил голову. – Сазонова, ты опять шепчешь? Все экзамены кончились, школа досвидос! – крикнул он громко, но его голос утонул в звуках «Битлз». Четверка пела о любви и о мечтах – «Yesterday».

Любаша закрыла глаза, звуки музыки унесли ее далеко

из душного зала.

Вдруг музыка неожиданно прервалась и перешла в гомон. Среди этого гомона Любаша отчетливо слышала голос подруги:

– Пошли отсюда.

Девушка не сразу поняла, что это относится к ней, но кто-то настойчиво дергал ее за пояс. Люба наконец вернулась в реальность вечера.

– Рита, тебе плохо? Воды? – Люба заозиралась в поисках стакана.

– Нет, мне очень хорошо, – в голосе звучала злость. Рита развернулась и направилась к выходу.

– Ты очень бледная, – Любаша семенила следом, – может, все-таки воды? Он тебе что-то сказал? – робко поинтересовалась Люба.

– Кто? – Рита резко остановилась и посмотрела на Любу.

– Платон Андреевич, – Любаша поправила очки и захлопала ресницами.

– А, ты про это, – Рита сделала безразличное лицо, только серые глаза как будто покрылись ледяной коркой и поблескивали, как снег на морозе. – Конечно, сказал. Сказал, что у меня талант, что мне надо его развивать, много работать, что у меня вся жизнь впереди и на моем пути еще будет много всего такого... – Девушка изобразила огромный круг руками. – А он, дескать, уже закончился, его место в школе, учить детей. Вот так, – устало закончила Рита и выдохнула.

Она как буд то бежала, бежала и наконец увидела заветный финиш.

– Но может... – Любаша не закончила.

– Конечно, может быть все. Я ему докажу. Он еще тысячу раз пожалеет.

На следующий день Рита Белова отнесла документы в театральный, а первого сентября она стала студенткой.

Окунувшись в мир театра, Ритуля столкнулась с его закулисным, к которому, мягко говоря, готова не была, но и здесь она вышла победителем, на последнем курсе главная роль в кино. Она сыграла десятиклассницу, детская наивная любовь, чистый взгляд голубых глаз. Риту заметили сразу. Пошли предложения, но девушка видела себя в театре.

– Там магия, там настоящее искусство, – запальчиво говорила она.

Театр принял ее. В ТЮЗе она получила роль, что очень неплохо для начинающей актрисы. Царевна Лебедь в ее исполнении выглядела убедительно, так отозвались о ее дебюте. И здесь в ее жизни случилось непредвиденное.

Он приходил на каждый спектакль, садился в первом ряду, смотрел не отрывая глаз, чем смущал неопытную актрису, в конце спектакля обязательный букет.

Симпатичный молодой человек, в твидовом пиджаке и джинсах, с густой челкой, падающей на лицо, которую он небрежно убирал рукой, вручая Рите цветы.

Так продолжалось чуть больше месяца, все премьерные

показы. Рита привыкла к цветам, к молчаливому взгляду из первого ряда.

Но однажды поклонник не пришел, на его обычном месте сидела девушка.

Рита доиграла спектакль, уже в гримёрке Лера Грановская спросила ее:

– Ну что, царевна, не пришел Иван-Царевич?

– Я никого и не ждала, – резко ответила Рита.

– И правильно, это ведь Ленчик, он еще тот фрукт.

Рита насторожилась, и хотя ей не хотелось вступать в разговор, любопытство взяло верх.

– А ты его знаешь?

– Ленчика все знают, он в горкоме комсомола ошивается, инструктор по культурке, наш театр курирует, мы все-таки молодежь, – произнесла Лера с иронией в голосе и бросила взгляд в сторону немолодой актрисы, которая все еще играла школьников.

Тогда Рита не услышала Левино предупреждение. Девушка сочла, что актриса сказала это от злости на нее, ведь роль, которую Лера Грановская играла до рождения ребенка, отдали ей, молодой начинающей актрисе. Рита уже начала понимать закулисную жизнь театра. Но главное, она теперь знала имя своего поклонника – Леонид.

В тот вечер Рита вышла из театра в одиночестве. Был февраль, вьюжило, колючий снег бил в лицо. Рита подняла голову, в свете фонаря метались мелкие снежинки, в этом снеж-

ном танце звучала музыка. Рита закрыла глаза и прислушалась.

– Здравствуйте, Маргарита, – раздался низкий мужской голос, нарушая тревожную мелодию небесного оркестра.

Рита повернула голову, взгляд ее уткнулся в пуговицу на дубленке. Она подняла глаза, клетчатый мохеровый шарф аккуратно убран вовнутрь, гладко выбритый подбородок, взгляд медленно скользил по лицу, глаз почти не видно, ондатровая шапка глубоко надвинута на лоб. Леонид – скорее догадалась, чем узнала Рита.

– Добрый вечер, – сдержанно ответила она, но сердце в груди забилося как будто чаще.

– Разрешите вас сопроводить? – в голосе прозвучали деланные интонации, Леонид театрально вытянул руку, приглашая к машине, припаркованной на проезжей части.

– Не стоит, мне недалеко. Метро рядом.

– Риточка, – в голосе зазвучали мягкие интонации, – да не бойтесь вы. Я не собираюсь вас похищать. У меня совсем другие планы.

– Какие?

– Например, пригласить вас в кафе.

– А может, в ваши планы входит представиться? А то получается, вы меня знаете, а я вас нет, – Рита улыбнулась, внутреннее напряжение стало растворяться.

– Простите, – молодой человек засуетился, – вот уж ваша правда. Разрешите представиться, Леонид, – и он изобразил

что-то наподобие поклона.

– Маргарита Белова, впрочем, вы меня знаете.

– А вот и нет. Я знаю Царь-девицу, Розу и еще, забыл, в вашем послужном списке...

– Снежинку, пятую, – добавила Рита с иронией.

– Точно, их знаю, а Маргариту Белову нет.

– А может, и не надо? – произнесла Рита и сама удивилась вдруг откуда-то появившемуся кокетливому тону.

– Так как насчет сесть в теплую машину?

– Можно, – Рита легко согласилась, ей вдруг ужасно не захотелось идти под колючим снегом до метро, в конце концов это ни к чему не обязывает. Подвезёт домой, тем более молодой человек вызвал у нее интерес, чем-то он напоминал Платона Андреевича.

При этой мысли Рита вздохнула. Платон Андреевич вот уже год как женат, и Любочка, школьная Ритина подруга, которая все про всех всегда знает, сказала, что Платоша глубоко завяз в быту.

Из воспоминаний ее выдернул настойчивый голос Леонида.

– Маргарита, авто подано, – он галантно подал руку, и Рите ничего не оставалось, как откликнуться. Она протянула руку в перчатке, и Леонид повел ее к новенькой белой девятке.

В маленьком уютном кафе, на улице Рубинштейна, за окном все так же бился снег. К ним подошел официант, ве-

сѐлый молодой человек, спросил, что они желают заказать в этот праздничный день, и поздравил их:

– С чем? – в один голос спросили молодые люди.

– Как? Вы не знаете, какой сегодня праздник? – весело произнес официант. – Сегодня, – он многозначительно поднял глаза вверх, – День святого Валентина.

– И что? – Леонид удивился. – Лично меня Леонидом нарекли, – он посмотрел на Риту, которая, кажется, догадывалась, о каком празднике идёт речь.

– Нет, это невозможно, – официант состроил обиженное лицо. – Я то думал, вот наконец зашли они, те самые влюбленные.

– И что? – Леонид недоумевал.

– И что? – веселый официант опустил плечи и стал похож на Пьеро. – Сегодня День всех влюбленных, – он виртуозно, как фокусник, из рукава достал красную гвоздику и вручил улыбающейся Рите. – Я по вашим глазам вижу, что вы, мадемуазель, все знаете про влюбленных, – взмахнув еще раз волшебным рукавом, он вытащил пластмассовое сердечко и вручил Леониду, чем ввел его в полное замешательство.

– Не расстраивайтесь, Леонид. Я тоже не знала. Праздник такой, прямо скажем, не наш.

– Да уж, я больше к Первомаю привык, к Седьмому ноября, на худой конец Восьмому марта.

– А я люблю праздники, пусть будет еще один праздник в году. Я теперь запомню четырнадцатое февраля – День свя-

того Валентина, День всех влюбленных, – произносятся эти слова, Рита представила на месте Леонида – Платона Андреевича, и мысли ее полетели, как снежинки за окном.

За свои двадцать два года Рита Белова была влюблена дважды. Первый раз в детском саду, в мальчика из группы, а второй, и настоящей ее любовью был Платон Андреевич, вот уже пять с лишним лет все ее мечты и желания были сосредоточены в этом самом прекрасном имени – Платон, которое она распевала на разные лады, даже тот факт, что он женился, не останавливал ее, она была воспитана на «Темных аллеях» Ивана Бунина, а у него все не просто, просто – это не настоящее, настоящие – это страдания. И возможно, не очень счастливый конец, но про несчастливый конец Рита Белова думать не хотела.

– Риточка, – голос Леонида, выдернул ее из мечтаний, – раз уж такой праздник, выпьем шампанского и перейдем на «ты».

Рита посмотрела в окно. Белая поземка бежала по тротуару, прохожие прятали лица в воротники, глядя на них, Рита поежилась. Леонид уловил легкое движение плеч девушки:

– Вам холодно?

И не успела Рита ответить, как он вскочил со стула и накинул ей на плечи снятый пиджак.

– Спасибо, так намного теплее, – вежливо отозвалась девушка.

– Так как насчет моего предложения? – опять задал во-

прос Леонид.

Надо отдать должное, Леонид был настойчивым, упёртым, своего привык добиваться, а Рита ему нравилась, и не просто нравилась, у него был конкретный план. Жениться.

Настала пора Леониду Михайловичу Ильину обзавестись семьей. Инструктор комсомола – не предел его мечтаний, тем более время сейчас шаткое, а Леонид, как говорится, руку на пульсе держал. Всегда и везде был в первых рядах, молодой энергичный, с хорошей интуицией, он не прогадывал, он предугадывал ход событий и делал правильный выбор. Вот и сейчас, он понимал, чтобы и дальше идти вверх, нужна хорошая крепкая база, под названием – семья. К Рите он присмотрелся, навел справки. Девушка она была серьезная, не бесталанная, правда, но это поправимо. Жена, увлеченная профессией, его не очень устраивала, но Леонид был убежден, что чем раньше возьмешься за воспитание, тем лучший результат получишь. А талантливая актриса в руках мужа-режиссера – это то что надо. С ней можно в любое общество, в высший свет. Правда, про высший свет тридцатилетний Леонид Михайлович имел смутное представление, но точно знал, что ему надо туда стремиться. Вот такие грандиозные планы были в голове инструктора горкома комсомола Леонида Михайловича Ильина 14 февраля 1988 года.

Планы его сбылись не так быстро, как хотел Леонид, но через год сидя в том же кафе четырнадцатого февраля, после спектакля «Маленький принц», где Маргарита играла

Розу, Леонид сделал предложение. Рита, как истинная женщина, попросила время подумать, Леонид спросил: «Сколько? Он уже привык к тому, что Рита то принимала его ухаживания, то отталкивала, не отвечала на звонки, не приходила на свиданье. Леонид был измучен, он уже сам не знал, чего ему ожидать, но был готов ко всему, даже если Рита скажет: «год», он согласится. Леонид влюбился, без памяти, бесповоротно, навсегда. Были его слова.

Но неожиданно для Леонида Рита думала, один день, и ответ ее был: «Да».

Ленечка светился от счастья. Заявление подали, свадьба через три месяца, выпадала на май.

– В мае нельзя, – отговаривала Любочка.

– Почему?

– Примета плохая, всю жизнь будешь маяться.

– Глупости. Я не верю.

– Смотри, тебе жить, тебе жить, – глубокомысленно произнесла Люба.

Леонид не верил в свое счастье.

В апреле, когда списки гостей были утверждены, свадебные талоны отоварены, невеста узнала, что беременна.

Рита была в растерянности. К такой быстрой перемене она готова не была. Театр поглощал ее все больше и больше, а выпав даже на год, можно было уже и не вернуться. У нее перед глазами был пример Леры Грановской, которая из раза в раз в гримерке перед спектаклем рассказывала об ужа-

сах материнства. И спроси ее сейчас: «сын или сцена» – она не станет сомневаться.

– А вместе?

– А вместе, дорогая моя, это коктейль. А коктейль хорош, когда он в стакане и с соломинкой, а сцена – это не стакан и не соломинка, впрочем, ребенок тоже, – ответила она на вопрос Маргариты. – А ты что, беременна? – Лера проявила интерес, уход Риты сулил ей возвращение в первый состав.

– Нет, что вы. Я так спросила, – Рита предпочла раньше времени не озвучивать, в ней еще боролись «за» и «против».

Ей хотелось играть, но и семью она хотела тоже, тем более Лёначка был на седьмом небе от счастья, он хотел тут же изменить дату свадьбы.

– Зачем?

– Чтобы никто пальцы не загибал, когда ребенок родится.

– Ленечка, при чем здесь это?

– Не люблю, когда судачат.

– Глупый, тебе-то чего бояться, это моя девичья честь может пострадать, – Рита улыбалась, ее удивило, что Леонида так волнует мнение окружающих. – А во-вторых, я еще не решила.

– Да не смей даже произносить это. Не решила она, я решил.

Риту радовало, что Леонид так уверен в их будущем. В конце концов, действительно, они молоды, любят друг

друга, справятся. Решила тогда Рита и нырнула в семейную жизнь.

Под Новый год, а точнее, двадцать седьмого декабря 1990 года на свет появилась девочка, которую счастливый отец назвал Викторией, что означало «победа», именно такой смысл вложил в имя дочери Леонид Михайлович.

А Рита просто смотрела на Виточку как на маленькое чудо, сотворенное высшей силой и отданное ей на хранение, она и относилась к крохе как к хрустальной вазе. Нежно и бережно.

Вокруг все перестраивалось. Комсомол закончил свое существование вместе с СССР, но Леонид Ильин и здесь был на коне. Интуиция его не подвела, он оказался в нужном месте в нужный час. Судьба вынесла его на самый верх, откуда многие падали и разбивались Леонид чудесным образом прошел все перекааты, водовороты и остался на плаву.

Рита в театр не вернулась, все попытки супруг встречал в штыки, Рита пробовала уговорить, но каждый раз получала категорическое «нет».

Куда-то пропал милый влюбленный Ленечка, и на сцену вышел жесткий диктатор. Рита не сдавалась. Упрямство Леонида она объясняла любовью к ней и дочери. Надо подождать, убеждала она себя. И когда Виточке исполнилось три года, она решительно заявила супругу:

- Я выхожу на работу.
- Куда?

– Мой бывший однокурсник, Сема Палек, помнишь, он еще у нас на свадьбе напился? – Рита улыбнулась, вспомнив, как Семка танцевал кадрили с ее мамой, – пригласил в новый театр, они только труппу набирают, – Рита замерла, всматриваясь в лицо Леонида.

Лицо было каменное и такое же серое.

– Тебе нехорошо? – забеспокоилась Рита. – Может, воды?

– Водки, – резко парировал супруг, – и побольше, чтобы уснуть и не слышать этот бред, – Леонид встал с дивана и начал свое движение по прямой, это происходило с ним всегда, когда он испытывал сильное волнение. Движение помогало восстановить баланс чувств. – Ты соображаешь, о чем говоришь? Какая новая труппа? Какой театр? Нет ничего, и нескоро будет, Марго, – в последний год он все чаще стал называть ее так, хотя, ей это не нравилось. Он посмотрел на жену, – ты на каком свете живешь? Думаешь, что если в твоём холодильнике есть икра и масло, то так живут и другие?

– Нет, я так не считаю, – Рита опустила голову, ей захотелось стать обитательницей моря и спрятаться в ракушку, но она продолжила: – Театр, Леня, жил во все времена и даже во время войны. Наоборот, для людей это глоток свежего воздуха. Это...

Леонид не дал ей закончить фразу:

– Ключевое слово здесь «люди». Люди сейчас другие, в войну они защищали, а сейчас они защищаются, улавлива-

ешь разницу?

– Нет... – Рита хотела еще что-то сказать, но заметив ключий взгляд мужа, замолчала.

– Вот и сиди дома, наслаждайся процессом, воспитывай дочь и вообще займись наконец новым домом.

Леонид все-таки попал в высшее общество, а в нем были свои законы. И Рита сдалась, она занялась воспитанием дочери, домом и собой.

Она была достойным дополнением своего супруга. Сопровождая его на светских раутах, она ловила взгляды мужчин, а порой и завистливые женские.

– Вот настоящий театр, – не уставал комментировать Леонид, – блистай.

Общество, куда он так стремился, было высшим во всех отношениях. Они жили на последних этажах пентхаусов, они отдыхали в Шамони и спускались с вершин Альп на горных лыжах, они строили загородные дома с башенками, поднимались на смотровые площадки и видели людей, похожих на муравьев. Они строили свой муравейник.

Рита жила в предложенных обстоятельствах, стараясь не замечать того, что происходило вокруг, она не смотрела вниз, высоты она боялась с детства.

И, наверное, поэтому, когда подруга Любочка, тогда еще принимаемая в доме, рассказала любопытную историю о некоем чиновнике, который взял свою любовницу в секретарши и на вполне легальных основаниях катается с ней

по всему миру, Марго заметила:

– Значит, так надо.

– Кому? – Любочка искренне удивилась.

– Ему, его жене и, наконец, любовнице.

– Нет, Ритка, я тебя не понимаю. Ты что, действительно можешь с этим согласиться?

– Я – нет, – невозмутимо ответила Марго и посмотрела на идеально сделанный маникюр.

– Ты же только что сказала противоположное.

– Нет, Любочка, это ты так услышала. Разъясню для непонятливых: со мной такое случиться не может, потому что не случится никогда.

– Понятно, – протянула Любочка, – где уж нам, простым училкам, у вас там высокие отношения. – в голосе послышались обиженные нотки.

– Да это совсем не об этом, у вас, у нас, – Марго подняла глаза и посмотрела на подругу. – Это зависит не от того, где и как ты живешь. Все зависит от человека, что он чувствует. В конце концов, любовь не отменяли ни у простых училок, ни в президентских дворцах.

– О, как мы высоко взлетели, какими категориями мерим, Клинтон и как там ее, это ты про эту любовь?

– Нет.

О какой любви говорила тогда Марго, подруга так и не узнала. Слово «любовь» повисло в воздухе, а через месяц Рита с дочерью улетели в Лондон. Леонид Михайлович

послал их получать образование. Не то чтобы он очень хотел этого, но в высшем обществе было так принято: посылать своих детей учиться за границу.

Так Марго оказалась на острове, в полном смысле этого слова, очень комфортабельном и приятном, но оторванном от жизни. Но ведь это ради дочери, ради ее будущего, успокаивала она себя, и мужественно переносила ссылку. Так диктовало высшее общество: терпи. В конце концов, жены декабристов в Сибирь поехали за мужьями. А Лондон – Вестминстерское аббатство, королевский дворец, Хэрродс, с его бесконечными дизайнерскими галереями, где можно провести целый день, наслаждаясь покупками.

Марго окунулась с головой в новую жизнь, а когда вынырнула, стало очень тоскливо. Она сидела одна в холодной квартире, а за окном серый беспросветный туман.

Леонид навещал семью, Марго жаловалась, просилась обратно, Ленечка возмущался:

– Кому сказать, ну ты, матушка, закушалась. В Лондоне ей тоскливо, – Леонид возмущался.

– Я не могу, я здесь совсем одна. Да и Виточка какая-то потерянная все время, – Марго жала на слабое место.

– Привыкнет.

Они привыкали три года, а потом просто собрали вещи и сбежали с чудесного острова в свое родное болото.

Когда жена и дочь неожиданно появились на пороге родного дома без предупреждения, их ждал сюрприз. По дому

разгуливала симпатичная длинноногая блондинка, выглядела она вполне по-домашнему, в розовой шелковой пижаме и с собранными в тугую кокон волосами.

– А вы кто? – Марго стояла в дверях гостиной в длинной норковой шубе, голубой платок упал к ногам, но она не замечала.

– Светлана, – невозмутимо пропела блондинка.

– А вы что здесь делаете?

– В данный момент хотела выпить кофе, но, похоже, придется планы изменить, – блондинка исчезла за дверями спальни.

Марго стояла ошеломленная увиденным, в ее сознание медленно вползала реальность. Виточка стояла рядом, держа мать за рукав.

– Ма-а, а это кто? Она что, у нас теперь живет? А мы где будем? – Вика сыпала вопрос за вопросом, а Марго словно не слышала. Она в одно мгновение потеряла слух и способность двигаться.

Блондинка вышла из спальни, одетая в джинсы и свитер, с сумкой в руках, аккуратно просочилась мимо Маргариты, которая так и продолжала стоять, в шубе и голубым платком под ногами.

– Женщина, – окликнула девица уже из дверей, – очнитесь, ваша станция, вам выходить, – и дверь захлопнулась.

Марго села на пол и заплакала.

Вечером появился Леонид Михайлович, он, конечно, уже

обо всем знал и выбрал не оригинальную тактику. Лучшая защита – это нападение.

– Ты что, с ума сошла? – начал он с порога. – Ты ребенка сорвала с середины года? Ты о ком думала? Да о чем я спрашиваю? Ты же, как всегда, только о себе. – он мерил комнату шагами по прямой, как тринадцать лет назад, только комната была уже не пятнадцать метров, а сорок, и поэтому голос его периодически пропадал, и услышать всю пламенную речь мужа Рита не могла, да и не хотела.

– Завтра полетите обратно, – произнес он, встав перед женой, которая сидела в кресле, завернувшись в плед, ее билась дрожь, ей было холодно. – Билеты Светлана закажет, – он осекся, поймав на себе взгляд жены. – Светлана – мой новый секретарь. И не смотри на меня так, я, в конце концов, живой человек, – Леонид присел на корточки перед Марго и взял ее ладони в свои руки. – Маргоша, будь умницей, ведь ты же не базарная баба. Зачем нам с тобой эти разборки? – он посмотрел на нее. Маргарита повернула голову в сторону окна. – Ты что, так и будешь молчать? Ну как хочешь, я оправдываться не собираюсь. Не я первый, не я последний, – с этими словами Леня вышел из комнаты.

Марго продолжала смотреть в сторону темного окна, за окном падал снег, приближался тринадцатый день рожденья их дочери, а вместе с ним и новый, 2004 год.

Новый год Маргарита встречала дома, с родителями и дочерью.

Леонид Михайлович просил не делать необдуманных поступков, не принимать глупых, как он считал, решений, но Рита молчала. За две недели, что они провели под одной крышей, она произнесла только одну фразу:

– Я остаюсь дома.

Леонид злился, пробовал воздействовать на жену через тещу, она обещала поговорить с дочерью.

После новогодних каникул супруги встретились за круглым столом переговоров, которые закончились компромиссами с обеих сторон. Виктория продолжила обучение в частной школе «Альма Матер», а Марго вернулась домой. Перемирие было объявлено ради ребёнка, со стороны Леонида Михайловича прозвучали извинения и обещания. Он попытался объяснить супруге, почему и как, на что было сказано:

– Я не хочу знать.

Коротко и ёмко Рита перевернула страницу своей жизни и начала с белого листа.

Глава 3

Прошло десять лет. Марго блистала на набирающих обороты балах. Осенний бал в Константиновском, Зимний бал в особняке Кшесинской. Отпуск на Средиземном море, уютная вилла в Марбелье. Леонид Михайлович делал все для безоблачной семейной жизни. Марго была счастлива или делала вид, что счастлива, она была хорошей актрисой, и это было несложно, зрителю было все равно, главное – на сцене не должно быть скандалов, разборок и выяснения отношений. Это утомляет, а зритель – Леонид Михайлович хотел покоя и тишины на семейной сцене. Правила игры были усвоены, так по крайней мере казалось ему.

Тем временем Виктория успешно закончила школу. И как ни хотел Леонид Михайлович отправить дочь за границу, Вика не поддавалась. Она поступила в обычный питерский вуз под названием ФИНЭК. Девушка она была не без способностей, но ей было лень во что-то углубляться, она скользила по поверхности, как серфер по волне, которая несет тебя вперед, иногда падаешь, но все поправимо, ты опять на гребне. Вперед.

Вика влюблялась, расставалась, и каждый раз ей казалось: это навсегда. Марго слушала очередной рассказ о трагической любви Вики «навсегда» и вспоминала свою любовь «навсегда» к Платону Андреевичу. Пять лет безответного чув-

ства, когда она будто бы случайно проходила мимо его дома. Но случайность была тщательно подготовлена. Его удивлённый возглас:

– Маргарита, это вы?

И сердце Марго оказывалось где-то в районе пяток. Ей казалось, он восхищен, но тщательно скрывает, она ловила любовью знак с его стороны, ей так же, как и Вике, казалось: полюбить кого-то другого невозможно. Она положит свою жизнь к его ногам. Он увидит ее на сцене. Он увидел её на сцене, в «Маленьком принце», где она играла Розу. Но чудо не произошло, он пришёл за кулисы с милой молодой женщиной.

– Познакомьтесь Маргарита, это – Верочка, моя жена. Очень хотела сказать вам слова благодарности, – Платон Андреевич с умилением смотрел на жену, и Маргарита поняла, кто главный герой в этой пьесе. Ей тогда стало горько и обидно, что ее, такую талантливую и красивую, можно было променять на серую мышку, ничего собой не представляющую.

Больше никого и никогда я не полюблю, как его, думала тогда Маргарита. Но появился Леня и все стало меняться, он был настойчив, он был влюблен. А что еще было? Почему она тогда уступила? Вспоминала Марго, слушая рассказ дочери. Может, тогда она предала свою единственную любовь и там наверху, решили, что ей хватит?

Внутри стало холодно, Марго поежилась. Люба рассказывала, что у Платона Андреевича с Верочкой родились дети, кажется мальчики, наверное, они уже большие. Из размыш-

лений ее выдернул требовательный голос дочери.

– Мама, ты меня слушаешь? Я тут распинаюсь, а ты?

– Слушаю, конечно, просто вспомнила про свою любовь «навсегда».

– И что? – девушка с интересом посмотрела на мать. – Чем закончилась?

– Он женился, и у них родились дети.

– А ты?

– А я вышла замуж, и у меня родилась ты, – Марго погладила дочь по голове.

– Что же тогда получается, ты и папа – это и есть любовь? Скучно.

– Почему? – Марго искренне удивилась.

– Скучно смотреть на море, где даже не рябит, тишь и гладь. Так можно уснуть.

– Мне нравится, – немного резко ответила Марго. Что-то в словах дочери, брошенных просто так, ее задело, неясное чувство подкралось и хотело выглянуть наружу, от этого Марго стало неуютно, и она свернула разговор.

Близился Новый год, Марго готовилась к очередному балу. К выбору наряда она относилась ответственно. Но у женщин всегда одна проблема: как только надо, очень надо выглядеть, надеть нечего.

Кажется Эллочка, парикмахер, а в новой интерпретации – стилист, говорила, что этот год надо встречать в серебряном. Марго вздохнула, серебряного в ее гардеробе не было.

Красное, синее, на все вкусы, но серебро отсутствовало. Надо ехать в «Бабочку», там, как в волшебном сундуке, можно найти все.

Марго быстро собралась, бутик находился на Невском, пешком далековато, на машине пробки, но лучше пробки, чем замерзшее лицо и другие прелести открытого пространства. С недавнего времени Марго обнаружила, что боится многолюдных улиц, везде ей казалось, что за ней наблюдают, хотят напасть. Издержки богатой жизни. Гуляла она свободно и безопасно только на территории своего загородного дома.

Окна «Бабочки» светились, витрины были празднично украшены, красивые вещи, красивые люди, как говорила Эллочка, ее личный стилист по прическам, – достойные люди. Что вкладывала Эллочка в определение «достойные», знала только она. Но можно предположить, что люди были достойны общества самой Элочки.

Марго зашла в магазин, ей навстречу заспешила молодая красивая девушка, улыбчивая и приветливая. «Наверное, новенькая», подумала Марго, она видела девушку впервые.

– Регина Геннадьевна... – начала было Маргарита, но не успела закончить, из своего кабинета выплыла управляющая, с такой же приветливой улыбкой на лице, только чуть-чуть уставшей, она улыбалась в этом бутике со дня его основания, а это дело нелегкое.

– Маргариточка Сергеевна, как я рада. Как доченька? Как Леонид Михайлович? – стандартный набор прозвучал как единая музыкальная фраза увертюры, и похожа Регина Геннадьевна была на оперную диву, с высокой грудью, переливающимся ожерельем на белой шее, яркими сочными губами, на руках благородно поблёскивали бриллианты.

– Все, как всегда, хорошо, – улыбаясь такой же стандартной в таких случаях улыбкой произнесла Марго.

– Вы, Маргариточка за чем-то конкретным или посмотреть, стресс снять? – Регина перестала улыбаться и с грустью посмотрела на Марго.

– За конкретным, – Марго как будто не услышала и не обратила внимание на двусмысленный тон и взгляд управляющей. – Мне надо серебряное платье, ну или что-то с серебром, соответственно туфли, сумку и подходящую бижутерию, – Марго сняла элегантную короткую куртку, подбитую норкой, положила на кресло.

– Маргариточка, платье от Valentino как будто вас и дожидалось, и размер ваш, вот только с бижутерией, – Оперная дива замялась, – сегодня одна юная особа купила.

– Ой, Регина Геннадьевна, так она и платье серебряное... – девушка не успела закончить, Регина блеснула сталью из-под соболиных бровей, и девушка осеклась, схватила куртку Марго и стала вешать на плечики.

– Машенька, принеси платье в первую примерочную, а мы еще что-нибудь посмотрим с Маргаритой Сергеевной, – Ре-

гина одним взглядом дала продавщице понять, чтоб та быстро исчезла.

Платье было то, что нужно, и сидело на Марго великолепно, переливаясь серебром, оно обхватывало ее стройную фигуру, как кожа змеи, вырез на спине был глубокий, что вызвало небольшое сомнение, но все в один голос сказали, что это изюминка и она ей к лицу, хотя лицо было, конечно, с другой стороны, но Марго поверила. Ей самой платье очень понравилось. Туфли тоже нашлись, ну а с украшениями, Марго решила пересмотреть свой домашний арсенал.

Она вышла из магазина с пакетами, довольная, что все так быстро решилось, и направилась к «Европейской», где оставила машину. Швейцар в лиловой ливрее услужливо открывал двери перед выходящими и входящими. Огоньки, елочки – празднично, все сияет и мигает. Завтра день рожденья у Вики, они собирались поужинать в ресторане, а дальше Викочка с друзьями, а они домой. Марго улыбнулась. Все прекрасно и удивительно хорошо, дочь, муж, серебряное платье. Швейцар шаркнул ножкой, в очередной раз открывая двери перед выходящими.

Из дверей отеля выпорхнула блондинка с распущенными длинными волосами, в короткой шиншилловой шубке нараспашку, она что-то весело и громко говорила своему спутнику, державшемуся чуть поодаль. Седьмое чувство заставило Марго остановиться. За блондинкой следовал элегантный господин в кашемировом пальто, яркий шарф был небреж-

но повязан вокруг шеи, – это был Леонид Михайлович собственной персоной.

Маргарита интуитивно сделала шаг в сторону, чтобы не столкнуться с мужем, Леонид прошёл мимо, даже не заметив супруги, он что-то запальчиво говорил в трубку, не обращая внимания на окружающих.

Леонид Михайлович со спутницей сели в машину, белое облачко, и все исчезло. Маргарита стояла напротив швейцара в нарядной ливрее и думала о том, что все это ей показалось. Что не было Леонида Михайловича, не было блондинки, вот только швейцар опять кинулся к дверям – открыть перед очередным посетителем.

Марго медленно направилась к машине, поставила пакеты на заднее сиденье, закрыла двери, села за руль. «Позвонить Леониду, пришла в голову мысль, спросить, что он делал в отеле. И что?» – сама себе задала вопрос Марго. Он или трубку не снимет, или скажет что-нибудь, ни то, ни другое, Марго не устраивало. Она не хотела знать, правда могла быть очень жестокой, а к этому Маргарита была не готова. Настроение испортилось, удачная покупка уже не радовала, и Марго медленно тронулась с места. Я подумаю об этом завтра.

Завтра началось с суеты. Все валилось из рук, разбилась любимая чашка, кофе убежал и в кухне пахло паленым.

– Чем пахнет с утра? – Леонид Михайлович вышел из недр сорокаметрового коридора уже при полном параде, держа

в руках галстук. За столько лет он так и не научился его завязывать.

Марго сидела на высоком барном стуле, ее коротко стриженные волосы были убраны под трикотажную повязку, высокий лоб, ярко-голубые глаза, без макияжа ее лицо выглядело беззащитным, в глазах была грусть.

– Что за плаксивое настроение с утра? – Ленечка чмокнул жену в щеку. – С днем рождения дочери, мамочка, – добавил он. – Ты помнишь, сегодня в семь ужинаем в «Марселе»?

– Да.

– Кстати, тебе Вика сказала, что поссорилась с Лериком и придет с каким-то другом? Черт знает что, зачем замуж, спрашивается, выходила? – Леонид нахмурился. – Честно говоря, я не знаю, зачем нам очередной Петя-Вася, я уже в них запутался, – он взял стакан с апельсиновым соком и сел напротив жены. – Ты что, как рыба в шоковой заморозке?

– Я? Нет, тебе кажется. Задумалась, – Маргарита отвернулась, боясь выдать свое состояние.

– А что здесь думать, приведет очередного хмыря, и люби его как родного сына.

– Зачем?

– Что – зачем?

– Зачем тебе любить его? Главное, чтобы любила она, – Марго встала со своего трона и подошла к Леониду. – Ленечка, – она обняла мужа сзади и прижалась головой к его спине, – а ты меня любишь? – тихо произнесла она.

– Конечно, – быстро ответил Лёня, – а почему интересуешься? Сомнения какие-то? – он хотел повернуть жену лицом к себе, но она вывернулась.

– Да так просто.

– Ну раз просто так, тогда я, с вашего позволения, займусь делами государственными, – Леонид улыбнулся и протянул супруге галстук.

Привычным движением Марго сделала узел и потянула за концы, поправляя галстук. Лицо мужа было совсем близко, приятный запах дорогого парфюма был еле уловим, гладко выбритый подбородок, сеточка морщинок вокруг серых глаз, моложавый и подтянутый Леонид Михайлович светился, как новогодний шар.

Внутри неприятно кольнуло. «Нарядился, подумала Марго, для очередной Светочки старается, да нет, конечно, это была деловая встреча, так часто бывает, что на встречу он идет референтом. Брось, ты прекрасно знаешь функцию и задачу, но это не всегда так. У Лени по-другому. Как же? Дура ты, Ритка». Мысли бежали в голове, как лента новостей, быстро и почти не читаемо.

– Ты что-то сказала? – спросил Лёнечка.

– Нет.

Леонид внимательно посмотрел на жену, Марго улыбнулась обаятельной улыбкой любящей жены. Покой и тишина – девиз дня, девиз жизни.

Викусин день рождения прошел в семейной атмосфере,

родителям был представлен Димон, ди-джей на радио, весёлый заводной парень, он сыпал шутками из шоу «Comedy Club», что очень забавляло Леонида Михайловича, он тянулся к молодежи. Договорились поехать после Нового года кататься на сноубордах, куда-нибудь в Альпы. Марго заметила, что Леонид катается на лыжах, Димон заметил, что лыжи для пенсионеров, Ленечка сказал, что освоит сноуборд легко, с его спортивными достижениями это не проблема.

– Достижений у тебя много, – заметила супруга.

– Что за намек? – Ленечка весело посмотрел на Марго.

– Ну ты же в комсомоле, кажется, спортом занимался, что-то возглавлял? – увела в сторону разговор Марго.

– Забывать стали, мадам. Это старость, – подколот Ленечка. – Я культурой занимался, и как мне помнится, не плохо, – он подмигнул Маргарите.

– Не помню. – резко ответила Марго, – мне завтра тебя ждать или самой ехать на вечер?

Леонид Михайлович не услышал вопроса жены или сделал вид, что не услышал. Он стал бурно предлагать места, где можно покататься. Но Марго повторила еще раз:

– Лёня, я тебя спросила как мы завтра?

– А что завтра? – Леонид потер виски.

– Завтра новогодний бал, я платье, между прочим, купила, – в голосе зазвучали обиженные нотки.

– Про платье я уже понял, по списанной сумме.

– А что? – вызывающе отреагировала Марго.

– Нет, ничего. Я так. Покупай что хочешь, – примирительно заметил Леонид Михайлович. – Вот только не знаю, у меня завтра назначено одно мероприятие, боюсь, что я не успею, – Ленечка просительно посмотрел на супругу. – Может, ну его, этот бал, поедем за город, будем готовиться к Новому году? Камин, свечи, снег за окном, – он мечтательно посмотрел на супругу.

– Как скажешь, дорогой, – спокойным голосом произнесла Марго и улыбнулась.

– Вот, – Ленечка кивнул в сторону Маргариты, – учись быть хорошей женой, – обратился он к дочери. – И за что мне такое счастье? – произнес он, зажмурившись.

Но от Марго не ускользнул вздох облегчения и радость супруга.

Ну насчёт счастья мы завтра посмотрим, подумала Марго и мило улыбнулась в ответ.

Все семьи счастливы одинаково, так, по крайней мере, считал великий классик Лев Николаевич Толстой.

Двадцать девятого декабря в особняке Кшесинской состоялся Новогодний бал, который устраивало Дворянское собрание и где Леонид Михайлович был каким-то сопредседателем или секретарём, в этой иерархической лестнице Маргарита разбиралась плохо. Знала только, что в конце девяностых Леонид раскопал родство с родом Гагариных, правдой это было или выдумкой, Марго не задумывалась, хотелось Ленечке стать дворянского рода, пусть будет, хотя, насколько

ко было известно, воспитывала Леонида мама, а отец канул где-то на стройках страны. Мама была воспитанницей детского дома, и фамилия Ильин появилась именно там, так что про каких Гагариных шла речь, вопрос оставался открытым. Но для имиджа и опять же для этого самого высшего общества – это было немаловажно. Балы в собрании проходили регулярно, Маргарита с Леонидом, чтобы не ударить в грязь дворянским лицом, брали уроки бальных танцев, они были красивой станцовой парой. На которую с завистью и восхищением смотрели новоиспечённые дворяне и дворянки.

Наступил вечер. Марго, не дожидаясь звонка Леночки, вызвала такси, сначала хотела нанять лимузин, все-таки бал, а она давно не Золушка, чтобы ездить в тыкве, но в последний момент передумала. Жаль, что этот бал не маскарадный, но ничего, она постарается стать незаметной, просочится, ей всего-навсего надо удостовериться, что Леонида там не будет.

Марго обманывала саму себя, конечно, он будет там и ты хочешь его уличить. В чем? Да действительно, в чем я хочу его уличить? Марго села на канапе, стоящее в просторной прихожей, освещённой множеством светильников, и сбоку и сверху лился приглушенный свет, напротив канапе – зеркало в большой золоченой раме, в зеркале Марго увидела своё отражение. Блоковская незнакомка, не хватало чёрной вуали, глаза обрамлённые, в дымчатые тени, делались темно-серыми, бледное тонкое лицо и гладко причесанные ко-

роткие волосы подчеркивали утонченность ее облика.

Внутренний голос нашёптывал: «Останься дома, останься дома». Но на сцену вышла Маргарита, которая хотела поехать на бал, как та самая девочка из любимой сказки про Золушку. Марго уговорила себя, что она всего-навсего хочет праздника. А за город она еще успеет.

Музыка лилась отовсюду, парадная лестница была красиво драпирована, вход в мраморный зал сиял огнями, мужчины в смокингах, женщины в длинных бальных платьях. На входе всех приветствовал сам председатель с супругой, полной дамой в розовом платье и в парике. Марго пыталась вспомнить, как ее зовут, но усилия были тщетны. Председатель, увидев Марго, в одиночестве поднимающуюся по лестнице, приветствовал ее возгласом восхищения:

– Богиня.

Супруга поджала губы, в ее понимании, так откровенно восхищаться в высшем обществе не уместно, она попыталась дать супругу правильное направление.

– Сергей Афанасьевич, дорогой, мы с вами не в оперетте, – и, уже обращаясь к Марго, продолжила: – А ваш супруг, милая, уже прибыл, в сопровождении дочери, как я понимаю, вы сегодня как никогда великолепны, – замурыкала она, – как вам к лицу серебро, а вашей доченьке... – она не закончила, Марго быстро прошла мимо, нарушая все приличия церемонии приветствия.

Оркестр играл Штрауса, звуки Венского вальса разлива-

лись по залу, а по паркету двигались пары.

Мужчина в смокинге, очень похожий на Леонида Михайловича, кружил в вальсе с молодой особой в серебряном платье, с низко открытой спиной, по которой змейкой струилась цепочка. Взгляд Маргариты прилепился к цепочке, она видела, как она переливается и скользит по спине хозяйки, а хозяйка скользит по паркету

Марго стояла и замороженно смотрела на танцующую пару. Не замечая взгляды окружающих, она вздрогнула, когда откуда-то из-за спины раздался голос:

– Добрый вечер, дорогая. С наступающим Новым годом, – Марго обернулась, голос принадлежал местной светской львице Лидии Брониславовне Гольдштейн.

– И вас с наступающим Новым годом, – промолвила Маргарита, отступая на шаг в сторону, пропуская Лидию Брониславовну вперед.

Но дама не торопилась, светская львица нутром чуяла скандал. Ее лицо пыталось изобразить улыбку, глаза, как две черные кляксы на промокашке, растекались черными иглами.

В светских кругах злословили, что Лидия спит с открытыми глазами, так неудачно была сделана очередная пластическая операция. Ее глаза действительно выглядели неестественно, но что именно в них было не так, и какой Лидия была до операций, Марго не знала. Просто лицо не двигалось. Вот тебе и бал-маскарад, говорящая маска. Маска про-

должала вещать что-то о прекрасном вечере, о паре, которая продолжала двигаться по кругу, привлекая к себе внимание, казалось, что музыка не прекратится, что кто-то за сценой вновь и вновь нажимает кнопку «Play», хотя смычки взмывали вверх и не было никаких сомнений в том, что это играет оркестр.

– Это, кажется, ваш супруг, милочка? Как великолепно танцует, сразу видна школа, и порода, конечно. Неудивительно, такой знатный род, это – на генном уровне...

– Его род из оренбургского детского дома, – резко прервала Марго светскую львицу.

– Ну что вы такое говорите? Я же сама его рекомендовала, все бумаги он нам предоставил. Род Ильиных... Да впрочем, какое это сейчас имеет значение, мы же не на заседании, правда ведь, милочка? – Лидия Брониславовна сделала попытку улыбнуться, но лицо ее при этом стало напоминать плачущего гнома. И несмотря на драматизм происходящего Марго стало очень смешно, смех буквально вырывался наружу, сдерживать его было невозможно. Бедная Лидия Брониславовна стала озираться по сторонам, ища глазами предмет, так рассмешивший ее собеседницу, наконец она обратилась к Марго:

– Может, поделитесь, что вас так рассмешило, дорогая? – Лидия Брониславовна из последних сил старалась сохранить рамки светской беседы.

– Просто весело, – ответила Марго, – у вас так разве не бы-

вает?

– У меня не бывает, – Лидия Брониславовна хотела развернуться и покинуть смешливую собеседницу, но что-то, видимо, в ней разыграло, то-что заставило подойти к Марго совсем близко и прошептать зловещим шепотом: – Я вас, милая, предупредить хотела, – она на секунду замолчала, – хотя думаю вы и сами все уже знаете. Супруг ваш имеет связь, с этой очаровательной молодой особой, но это еще не все, и этого вы скорее всего не знаете. Молодую особу зовут Анжелика, и она ждёт от Леонида Михайловича ребенка, – слово «ребенок» из ее уст прозвучало как детская дразнилка.

Марго резко отступила на шаг, она все еще продолжала улыбаться, но самообладание покинуло ее. Ей захотелось крикнуть, изнутри рвался голос: «Пошла вон, мерзкая гадина», но она просто выдохнула и вдохнула, в груди была резкая боль.

А светская львица уже направила свои стопы к другому объекту, более подходящему. Наконец-то она смогла щелкнуть по носу эту задаваку. Пусть теперь слёзки утирает, а то смешно ей, хорошо смеется тот, кто смеется последний. А Лидию Брониславовну лучше не трогать, вот так-то, душечка, Лидия Брониславовна обид не прощает.

Маргарита давно была у нее в так называемом чёрном списке. Лидия Брониславовна и сама уже забыла, за что поместила туда Марго, но сегодняшней смех поднял в ней бурю, которая грозила превратиться в цунами.

В голове светской львицы начал зреть коварный план. Мысли настолько захватили ее, что она даже не заметила, как Марго покинула зал, а в дверях появился молодой, одетый в смокинг мужчина.

Смокинг был ему как будто маловат, плотно облегал спортивное накачанное тело, коротко стриженные волосы с едва заметной сединой, тонкий орлиный нос в сочетании с мягкой линией подбородка делали лицо привлекательным, но как бы двусторонним, с одной стороны – хищным, а с другой – безвольным, когда мужчина улыбался, он был мил и мягок, но когда улыбка покидала его лицо, в нем появлялась резкость, а орлиный нос делал его похожим на хищную птицу, быстрое движение глаз, он как будто выискивал жертву.

Лидия Брониславовна, увидев вновь пришедшего, изобразила улыбку на своем неподвижном лице: «На ловца и зверь бежит. Вот ты-то мне, голубчик, и нужен»

Она изменила направление движения и решительно устремилась в сторону нового гостя.

Марго пролетела мимо председателя и его супруги, ей что-то сказали вслед, но слов она не разобрала. В голове пульсировали только мысли: «за что?» и «что делать?». Теперь не скрыться в свою раковину, волна выкинула на поверхность, и надо принимать решение: остаться на берегу или вернуться в море. Марго накинула на плечи шубу и выскочила из особняка.

Темное небо, подсвеченное светом неоновых фонарей,

крупные белые хлопья падали в медленном танце, некоторые таяли, так и не успев долететь до земли. Марго замерла на ступеньках и, подняв голову вверх, прошелестела одними губами:

– Если ты знаешь, как и что мне делать, подскажи.

На ее лицо падал снег, снежинки таяли и превращались в слезы, слезы текли по лицу, но Марго этого не замечала, она стояла на ступеньках широкой лестницы, по которой когда-то больше ста лет назад, поднималась Кшесинская.

– Я могу вам помочь?

Марго обернулась. Голос принадлежал молодому мужчине, среднего роста, в пальто нараспашку. Вопрос мужчины застал ее врасплох, но что-то внутри повернулось и щелкнуло.

– Вы мне действительно хотите помочь?

– Конечно, – несколько удивленно произнес мужчина.

– Тогда сделайте так, чтобы я сейчас оказалась дома.

– Нет ничего проще, я отвезу вас куда прикажете.

Марго согласилась сразу, ей хотелось как можно быстрее покинуть каменную лестницу, и она протянула руку незнакомцу.

Уже в темном салоне машины, где которой тихо звучала спокойная музыка, в голове Марго застучались мысли, а внутренний голос зашептал: «Куда и к кому ты села, у тебя одно кольцо в четыре карата на руке». Да черт с ним, с кольцом, кому оно нужно, но холодок в районе желудка начал

ползти вверх. Откуда он взялся? Кажется, он был в особняке, значит, кто-то из гостей, вот и хорошо. Что – хорошо? Как будто среди этой публики нет убийц и маньяков. Ну это уж слишком, если они и были, то давно трансформировались в порядочных бизнесменов, а где гарантия, что они обратно не трансформируются? Внутренний диалог был прерван вопросом незнакомца: – Куда вас отвезти?

Марго начала паниковать, ну точно. Сейчас подвезет, затем войдет вместе с ней, охрана не отреагирует, а там он ее стукнет или хлороформом усыпит и проникнет в квартиру, картинка ярко вспыхнула и погасла, так как незнакомец опять заговорил:

– Да вы не волнуйтесь, я не маньяк и не убийца, – Меня Владимир Афанасьевич попросил проводить вас, он увидел, что вы чем-то расстроены, а тут я рядом оказался, он и послал меня вслед за вами.

– Я и не думала про маньяка, – быстро проговорила Марго, к ней стала возвращаться уверенность.

– Так куда вас отвезти, Золушка?

– Почему Золушка?

– Да я как вас на лестнице увидел, сразу вспомнил фильм про Золушку, она вот так же одиноко стояла на лестнице и горько плакала, помните?

– Я-то помню. Странно что об этом помните вы.

– Почему?

– Молоды, – Марго ответила резко и повернулась в сторо-

ну окна, незнакомец наблюдал за ней в зеркало.

– Это хорошо или плохо?

– Это никак.

За окном промелькнула неоновая реклама «Новый год в Венеции», одно мгновение и решение пришло, вот он, знак, она уедет.

– Остановитесь, пожалуйста, мне выйти надо, – Голос звучал возбуждённо.

Незнакомец притормозил и с интересом посмотрел на Марго.

– Куда вы в таком виде? Говорите уже адрес, а там глядишь, утро вечера мудренее.

– Нет, мне сейчас надо.

– Куда?

– В Венецию, – быстро произнесла Марго.

– В Венецию?

– Да, – голос звучал спокойнее, – вы правы, конечно, надо домой. – И уже тише, как бы самой себе добавила: – Паспорт, мне нужен паспорт. На Тверскую, а потом обратно, если это вас не затруднит, – добавила она.

– Обратно – это в особняк? На бал? – В голосе были насмешливые нотки.

– Нет, обратно на Невский, – смущенно добавила Марго.

– Командуйте, сегодня вечер волшебства.

– А вы, конечно, волшебник.

– Нет, я только учусь.

Автомобиль двигался по Шпалерной, и незнакомец спросил Марго, какой номер дома ей нужен. Она назвала.

– Известный домик... – водитель замаялся, но потом все же спросил: – Я надеюсь, меня сейчас в кутузку не посадят?

– За что?

– Ну там, за похищение или еще что-то придумаете?

– Вы шутите? – Марго удивилась.

– Ну да, конечно, шутка неудачная, – водитель притормозил напротив дома. – Я вас здесь подожду. Дорогу перейдете?

– Перейду, – в голосе прозвучала нотка недовольства.

– Я просто кофе хотел выпить, а здесь как раз кафе, он кивнул в сторону светящегося окна, – пока вы собираетесь, успею? – он как будто оправдывался, Марго стало неудобно, эксплуатирует незнакомого человека и еще не довольна.

– Да, конечно, пейте. Мне минут пятнадцать надо, – Марго вышла из машины и быстро перешла пустую улицу.

Как и было обещано через пятнадцать минут Марго вышла из парадной. В меховой куртке и брюках, в руках дорожная сумка Louis Vuitton, маленькая дамская, через плечо. Она так же быстро перебежала Тверскую, мужчина галантно открыл заднюю дверцу машины, и Марго впорхнула в теплое нутро автомобиля. «Внимательный», подумала про незнакомца. Молодой человек сел на водительское сиденье, включил зажигание и обернулся к пассажирке с уже ставшим привычным вопросом:

– Куда вам надо попасть на Невском?

– Я покажу, – Марго не знала точного адреса, да и не хотела она, чтобы кто-то знал, человек хоть и не знакомый, но если бежать, так соблюдая все правила конспирации. Маргарита начала успокаиваться, внезапное исчезновение – вот рецепт, вот тот путь, который ей указали сверху. «Пусть поволнуется, Казанова, – подумала она о муже. – Вика, конечно, ни при чем, но она и не заметит, что меня нет, у нее своя жизнь, ей я позвоню позже». Так думала Марго, глядя в окно мчащегося по вечерним улицам автомобиля. «Ну вот светящаяся надпись, пусть еще проедет чуть-чуть».

– Спасибо, я приехала, – Марго схватилась за ручку и хотела выйти.

– Вы хоть скажите на прощанье как вас зовут?

– Золушка, – улыбнулась Марго, первый раз за все это время.

– А если серьезно?

– Рита, – неожиданно для самой себя произнесла Марго имя, с которым уже два десятка лет была разлучена с легкой руки своего супруга.

– Марго, значит?

– Нет. Я – Рита, – и Марго вышла из машины, так и не спросив, как зовут ее случайного знакомого.

Она шла по оживлённому Невскому, Дума светилась праздничными огоньками, витрины были украшены, на улице царило предновогоднее настроение. Все куда-то спешили,

до Нового года оставалось два дня.

Турагентство было закрыто. Марго стояла возле светящегося окна, где неоновой бегущей строкой светило «Новый год в Венеции». Ну вот тебе и знак свыше, все закрыто, поезжай, голубушка, домой, к мужу-обманщику, завязывай ему галстук по утрам, отправляйся, короче говоря, в свое болото и не квакай. Вдруг дверь отворилась и на пороге появилась девушка. «Снегурочка», подумала Марго, девушка была одета в белую шубку, белую шапку, на руках пушистые рукавицы, точь-в-точь Снегурочка.

Снегурочка посмотрела на Марго, потом опустила взгляд на сумку и весело спросила:

– Вы, наверное, к нам спешили?

– Наверное.

– Я могу вам помочь, – то ли вопрос, то ли утверждение прозвучало в ее голосе.

– Новый год в Венеции, это к вам?

– К нам, но завтра. Но вы не волнуйтесь, успеете. Приходите завтра к десяти, я все вам быстро оформлю, – девушка затараторила быстро, боясь, что, Марго передумает, но Марго смотрела на нее, и в глазах ее было изумление, – У вас загранпаспорт, виза есть?

– Да.

– Это главное, а вылет завтра в три. Мы все с вами успеем. Завтра в десять я буду вас ждать, – бросила Снегурочка уже на ходу.

«Завтра, а где мне сегодня ночевать? Ведь если вернуться домой, то оттуда я уже на вряд ли уйду. Болото затянет», – Марго передернула плечами, как бы стряхивая тину, она повернула голову налево, направо и вверх. Это была ее давняя привычка, еще со времен ее театрального прошлого. Наверху светилась надпись «Гранд-отель Европейская». «Конечно, в отель, я могу остановиться в отеле, а завтра с утра прямо в дорогу. Ведь Снегурочка обещала».

Снегурочка, по имени Светочка, действительно оказалась очень ответственной девушкой, ровно в десять она открыла двери офиса, а в одиннадцать вызванное такси мчалось в аэропорт Пулково. Телефон Марго выключила еще вчера: «Вике позвоню, когда прилечу в Венецию». Она зажмурилась, ей было немного страшно, она так давно не совершала поступков, никаких самостоятельных действий. «Все как его высочество святейший князь пожелает, будь он не ладен, – в который раз подумала она про мужа. – Вернусь после Нового года, там посмотрим, а сейчас как можно дальше из Северной Венеции в Южную, а об остальном я подумаю завтра».

Глава 4

Венеция встретила дождем. Повсюду звучала итальянская речь. Она вышла на улицу, вдохнула влажный воздух. Над Венецианским заливом стоял туман, мелкая морось дождя делала пейзаж зыбким и ускользающим.

Пока Марго решала, как ей лучше добраться до отеля, расположенного вблизи моста Риальто, молодой итальянец громко заговорил с ней на английском, предлагая незабываемую прогулку по заливу.

– Синьора, мадам... – итальянец жестикулировал, показывая на маленький катерок. Марго вспомнила, что последний раз, когда она была в Венеции с Леонидом, они на таком же приплыли прямо к дверям отеля. Это был помпезный отель с еще более помпезным названием – «Luxury Collecthion».

Сегодня Марго отступила от правил, она выбрала небольшой уютный отель рядом с пьяццей Сан—Марко, ей хотелось тишины и уединения.

Итальянец настойчиво предлагал свои услуги, и когда Марго показала название отеля, он решительно взял ее дорожную сумку:

– No problem, madam.

– Да уж точно, какие проблемы.

Отель был действительно очень камерным, окна номера

выходили на мост Риальто, внизу сквозь дымку и морозящий дождь двигались гондолы. Марго смотрела в окно: акварельный пейзаж, написанный рукой мастера, самой природой созданная живая картина. Все происходящее казалось ей нереальным. Она одна, в чужой стране, в чужом городе, в канун Нового года, в голове всплыли строчки Иосифа Бродского, когда-то она зачитывалась его стихами:

Приехать к морю в несезон,
Помимо матерьяльных выгод,
Имеет тот еще резон,
Что это – временный, но выход.

– Да, временный, но выход, – повторила она вслух.

Утром Марго собралась на прогулку, на ресепшен ее предупредили:

– Аль агуа.

Услужливый швейцар на выходе предложил ей бахилы и зонтик.

Вода заполнила площадь Сан-Марко, что сделало ее похожей на озеро, по которому медленно передвигаются люди. Марго осторожно двигалась по настилу, сооруженному вокруг площади.

Вот знаменитое кафе «Florian». Марго остановилась, в это кафе ее приводил Леонид. Ей не хотелось идти по следам прошлого, она должна прожить свою Венецию. Но в конце концов, кто сказал, что в ее Венеции не может быть «Florian»? Что это ностальгия и воспоминания? Марго ре-

шитительно открыла дверь, услужливый официант подхватил дождевик, предложил столик возле окна. После серой пелены дождя в зале оказалось очень светло. Желтый свет излучали старинные витражи.

Марго устроилась за маленьким круглым столиком возле окна. Посетителей немного. Венецианцы готовились к Новому году, а туристы шли своей тропой, вернее плыли своим неизменным туристическим маршрутом, их не останавливали, ни высокая вода, ни морозящий дождь.

Марго смотрела на голубей, которых вода загнала с площади под крыши, и они выглядели со своих наблюдательных пунктов, когда же уйдет эта вода, чтобы спуститься на землю.

Марго увидела под козырьком одиноко сидящего, нахолившегося голубя, а может голубку. Все в куче, а эта одна. Почему? Наверное, тебя тоже бросил любимый? «О чем ты? Кто тебя бросил? И кто сказал, что любимый?» Мысли на скакивали одна на другую, и получалась куча мала.

Белая голубка улетела, Марго опустила взгляд. Перед окном стоял недавний «спаситель». Коротко стриженные волосы, длинный шарф намотан вокруг шеи, только не в пальто, а в короткой куртке. Марго засомневалась: «Не может быть, я просто обозналась», – но незнакомец явно ей делал какие-то знаки руками, и она улыбнулась в ответ. «Ну бывает, наверное, совпадение», – она пожала плечами, так делает человек смущенный и удивленный. Незнакомец принял

это движение как приглашение и уже через мгновение стоял возле столика, с обаятельной улыбкой он произнес на итальянский манер:

– Бонжорно, мадам. Рад вас видеть. Можно, я разделю ваше одиночество? – и, не дожидаясь ответа, незнакомец сел напротив.

Марго молчала, удивление сменилось легким раздражением, ей совсем не хотелось разговаривать, тем более с человеком, который был невольным свидетелем. Свидетелей не любят. Но это извечное любопытство: почему, зачем, как он здесь оказался? Взяло верх, и Марго произнесла:

– Доброе утро.

– Ну теперь нам сам Бог велел познакомиться, ах простите, святой Марк. – мужчина улыбнулся.

«Какая милая у него улыбка», – подумала Марго.

– Вас, я помню, зовут не Марго, а Рита, а я – Кирилл. Вам, Рита, не кажется, что у нас уже много совпадений?

– Да, две буквы в имени, это уже точно повод задуматься.

– А то, что мы оказались в одном месте, в один час, вас ни на какие мысли не наводит? – Кирилл хитро посмотрел на Риту.

– Нет, разве на ту, что вы за мной следили и вам что-то от меня нужно, – довольно резко произнесла Рита.

– А то, что вы мне понравились?

– Исключено. Вы меня не знаете, это во-первых, – Рита на секунду задумалась, стоит ли говорить, что она подразу-

меваает во-вторых, но Кирилл опередил ее.

– А во-вторых, вы не в том возрасте, чтобы верить в любовь с первого взгляда, – при этом его пухлые губы надулись и лицо приобрело обиженное выражение.

От Ритинога взгляда не ускользнула особенность его лица, мягкая линия подбородка с довольно пухлыми для мужчины губами и тонкий заостренный, как клюв хищной птицы, нос. Нежность и податливость, с одной стороны, жесткость – с другой, но что-то неуловимое соединяло эти две части и делало лицо привлекательным. Оно притягивало.

Кирилл продолжал:

– А я верю, и хоть миллион человек на этой планете скажут мне, что так не бывает, я буду верить себе. А я знаю точно – бывает, потому что так со мной. Хотите верьте, хотите нет, но я все равно побежал бы за вами вслед, даже если бы меня об этом не попросили. Я, как только вас на лестнице увидел, понял, что я должен с вами поговорить, что вы не можете вот так просто взять и исчезнуть, как Золушка с бала. Ведь у меня нет королевской гвардии с сапогом-скороходом, – Он смотрел на Риту, и речь его была похожа на речь старшеклассника, объясняющегося с одноклассницей накануне выпускного бала. Когда это последний шанс – сказать все, что ты носил в течение последних лет. Рита наблюдала, не перебивая, пытаясь понять, что на самом деле происходит, но если это актерский этюд, то исполнен он весьма талантливо.

К ним подошел официант поинтересоваться, не надо ли им еще что-нибудь. Кирилл поблагодарил и сказал что-то на итальянском. Официант сдержанно улыбнулся и, произнеся фразу, которую поняла и Рита, «уно моменто», удалился.

– Вы знаете итальянский?

– Поко-поко, что означает «немного». Пришлось, так сказать, постранствовать. Жил одно время с итальянцем, – он осекся, – в смысле пришлось делить жилплощадь. Вот тогда и выучил немного.

– Вы много путешествовали?

– Можно сказать и так. А вы?

– Много.

– Вам так со мной неприятно? Я, честно признаюсь, совсем не хочу вам навязываться, просто хочу быть вам нужным, – он замолчал, подыскивая слова.

– Нужным, – вслед за ним повторила Рита. А ведь действительно, наверное, каждому в этом мире нужно ощущать свою нужность кому-то. Наверное, поэтому люди заводят кошек, собак, хомячков и другую живность. Она посмотрела на Кирилла, и внутри стало тепло, может, глоток крепкого эспрессо сыграл свою роль. Рита перевела взгляд, за окном медленно проплыла пожилая пара, мужчина бережно держал свою спутницу под руку. Они нужны друг другу.

К столику спешил официант, в руках он нес два бокала, наполненных пенящимся, играющим и танцующим шампан-

ским. Аккуратно поставил бокалы, что-то, как поняла Рита, пожелал, наверное хорошего. Кирилл с улыбкой ответил. Рита поймала себя на мысли, что ей приятно внимание, приятно слышать итальянскую речь. Ей спокойно и хорошо. «Удивительно, – мысленно произнесла она, – я его в общей сложности часа два знаю, а могу с ним, вот так просто сидеть, смотреть в окно и говорить о пустяках». Внутренний монолог был прерван.

– Предлагаю выпить этот чудесный напиток, – он поднял бокал, – за наступающий Новый год, за необыкновенную встречу и за нас.

Рита молчала, в ней боролись сразу несколько чувств. Во-первых, подозрительность: поверить в случайность трудно, во-вторых вопрос: кто и зачем? А если просто взять и поверить, на секунду допустить мысль, что она Маргарита Ильина в свои сорок шесть лет может поразить воображение молодого симпатичного мужчины? На сколько он ее младше? Лет на десять, точно. Она бросила быстрый взгляд на собеседника, он мгновенно уловил посыл и ответил на молчаливый вопрос Риты:

– Мне почти сорок.

От него не ускользнула ироничная улыбка, чуть тронувшая губы Риты.

– Почти сорок – это тридцать?

– Быть точным, тридцать восемь и маленький хвостик. Так вы выпьете со мной, как принято, на брудершафт? Тех-

нологический процесс мы можем опустить, просто выпьем и перейдем на «ты». – Молодой человек улыбнулся, но вдруг лицо собеседника резко изменилось, улыбка исчезла, и показалась хищная птица, которая настигла добычу. Рита почувствовала холодок, и опять собеседник уловил легкое дуновение ветра, и его лицо осветила мягкая улыбка.

– Ну, пожалуйста, Рита, дайте свое согласие, – протянул он.

– Выпить шампанское – да, перейти на «ты» – нет. Для меня это определенная степень близости, которую я к вам не испытываю. Благодарность за недавнюю помощь, да, но это не является для меня... – Рита уже запуталась в собственных мыслях и словах, ей на помощь пришёл Кирилл.

– Хорошо, но дай мне слово, что ты, – он сделал ударение на «ты», – об этом подумаешь. С Новым годом, Рита, которая не Марго, – добавил он с улыбкой, и легкий звон бокалов прозвучал, как последний аккорд в его словесном послании.

Он проводил ее до отеля, предложил встретиться вечером, все-таки они соотечественники, которые оказались в канун Нового года в чужой стране, говорил еще что-то несущественное, Рита молчала, наконец он привел последний аргумент:

– Ведь это никогда не повторится. Почему нам не прожить это вместе, и у нас будут воспоминания.

Рита посмотрела на Кирилла, в глазах появился интерес, что-то в словах молодого человека ее зацепило, воспомина-

ния. Она так и не дала ответа, пространно заметив: «Может быть», на что Кирилл сказал, что будет ждать ее на мосту Риальто в восемь вечера, быстро попрощался и исчез в легкой дымке тумана, за что Рита была ему благодарна, ей хотелось побыть одной. Она не пошла в отель, а свернула чуть в сторону от главного канала, углубившись в кривые маленькие улочки, на которых почти не было прохожих.

Стереть прошлое – эта мысль засела и саднила, как заноза, которую вытащили. «Без прошлого нет человека, разорваны все связи, но зато можно написать другую историю, но я не хочу другую историю, я хочу... Мысли остановились, как будто наткнулись на бетонную стенку: а действительно, чего я хочу? Я, Рита? Я хочу, чтобы Леонид был со мной, чтобы он любил меня, чтобы он жил, как хочу я. Получается, все мои желания – это он, а меня опять нет?» Мысль о муже была неприятна, Рита поежилась. Она стояла на горбатом мостике, смотрела на свинцовую, лениво плещущуюся в канале воду, которая делала этот город таким привлекательным и которая одновременно убивала его. Вот и в ее жизни была такая же история: то, что окружало ее и наполняло ее жизнь, убивало ее.

Рита резко развернулась и быстрым шагом направилась подальше от горбатого мостика, от свинцовой ряби воды, которая притягивала и звала.

Узкие улочки, редкие прохожие под зонтами, облупившиеся стены домов. Венеция плакала под декабрьским до-

ждем. Рита увидела открытую дверь с рождественским венком, огоньки вокруг еловых веток, запах свежей выпечки и тепло. Она нырнула в открытую дверь и оказалась в маленьком, типично итальянском кафе, где за стойкой бара стоял пожилой итальянец, а напротив сидели двое мужчин в зеленых, до колена, резиновых сапогах и беседовали вполголоса. В маленьком зале со сводчатыми потолками стояло несколько столиков, но за ними никто не сидел. Рита прошла и села в дальний угол, ей хотелось согреться, пожилой итальянец вышел из-за стойки и подошел к Рите.

– Бонжорно, мадам, – приветствовал он одинокую посетительницу, двое других с интересом посмотрели в ее сторону.

Рита заказала чай и потеряла замерзшие ладошки, ей было холодно и снаружи и внутри, как будто она только что вышла из воды и не может согреться. Пожилой итальянец принес поднос с маленьким металлическим чайником и белой керамической чашкой, в другой руке он держал белый пушистый плед.

– Мадам, плиз, – на его обветренном, покрытом мелкими морщинками лице была улыбка, он протянул руку с пледом.

Рите стало тепло, и от горячего чая, и от внимания чужого человека. Она сидела в своем уголке и наблюдала за трюйцей, которая мирно продолжила прерванный ее вторжением разговор. Наверное, пожилой итальянец живет наверху и здесь у него маленький бар для своих, эти двое его соседи, зашли пропустить по стаканчику, поболтать, такая неспеш-

ная жизнь. Тишина и покой.

Первый раз они оказались в Венеции в конце девяностых. Было начало марта, они впервые ехали кататься на горных лыжах, имея об этом довольно слабое представление, но тогда все вставали на лыжи, так сказать, хочешь быть в тренде, должен посетить Альпы.

Они спланировали поездку так, чтобы и на лыжах покататься, и на обратном пути посетить Венецию, но судьба распорядилась иначе.

Что-то не сложилось с арендой машины, и они были вынуждены остаться на ночь. Таксист привез их в первый же отель, расположенный на материковой части Венецианского залива, и несмотря на усталость после перелета Марго уговорила мужа пройтись, хоть одним глазком посмотреть на Венецию. Время близилось к полуночи, улицы Министре были пусты, кафе и рестораны закрыты:

– Странно, детское время, а все закрыто, – удивлялся Лёня, – ну с сестрой мы знакомы, но вечером-то они очень даже едят.

– Смотри, там что-то светится, – рукой показала Марго на мигающую вывеску «Пиццерия-Ресторан».

Ресторан был открыт, народу было не много. Они сели за столик возле входа и стали изучать меню.

Карта была на итальянском.

– Бесполезно, я ничего не понимаю. Короче, я буду пиццу: пицца, она в Африке пицца, – громко констатировал Лёня.

ня. Марго сказала, что есть не хочет, а выпьет бокал красного вина. К ним подошла официантка, миниатюрная женщина средних лет, с коротко стриженными темными волосами, в руках она держала блокнот и карандаш. Леня выдал весь свой запас на немецком языке, он считал, что говорит на немецком неплохо, официантка несколько раз переспросила, она никак не могла взять в толк про пиво, Леня чертыхнулся по-русски, и тут лицо официантки расплылось в улыбке:

– Вы русские, – сказала она на их родном языке без акцента.

– Да, – произнес Леонид немного смущенно, – а вы?

– Я из Москвы, меня Люба зовут. А вы откуда? – она продолжала радостно улыбаться.

– Из Питера, – вступила в разговор Марго.

– Я сейчас, минутку подождите. – Люба опрометью бросилась к стойке бара.

Через минуту она вернулась с бокалом красного вина для Марго и пивом для Леонида.

– А я смотрю: вошли двое, думаю, поздно, наверное, хотят выпить, а у нас ведь ресторан, но, думаю, обслужу, вы такие симпатичные. – Ее речь была сбивчива, она то и дело перескакивала с одного на другое.

Из ее рассказа Марго поняла, что живет Люба здесь уже пять лет, что оказалась в Венеции случайно, что итальянец, который за ними наблюдает из-за стойки бара, ее муж

Джаник, он же хозяин ресторана. Что пять лет назад Джаник встретил ее, замерзшую, в Рождественский вечер на железнодорожном вокзале Венеции, пожалел пригласил в ресторан, с тех самых пор она ему и жена, и помощница. А в Москве у нее мама и два сына. Люба заплакала, вытирая слезы салфеткой, но тут же заулыбалась и помахала своему Джанику, мол, все в порядке, это я от счастья, что встретила соотечественников, она сказала это по-итальянски, но Марго поняла и улыбнулась. Люба ей сразу понравилась, была в Любе детская радость и искренность, которую Рита уже успела позабыть и сейчас увидела в глазах этой незнакомой женщины.

Люба несколько раз отлучалась, но, выполнив заказ, тут же возвращалась, каждый раз неустанно повторяя: «Как я рада, что вы зашли именно к нам».

Ресторан пустел, и Люба попросила их подождать.

– Джаник очень хочет познакомиться с русскими.

Леонид высказал сомнение, сказав, что это не совсем удобно, что им завтра надо еще разобраться с машиной и, в конце концов, их ждут горы, но Любочка опять заплакала, и Марго осадил Леонида:

– Ну что ты, в самом деле, горы сто лет стоят, постоят и еще денек. Любочка, мы подождем, – мягко произнесла Марго и погладила женщину по руке. Вот так бывает, что совсем незнакомый человек становится тебе очень близким в одно мгновение.

К ним подошел Джаник, стал что-то говорить на итальянском, громко и эмоционально. Люба переводила.

– Он просит вас поужинать с нами, так, немного.

Люба смотрела на Джаника, и глаза ее светились благодарностью.

– Потом он отвезет нас в Венецию, – Люба продолжала говорить очень эмоционально, и хотя речь ее звучала на русском, но окрашена она была итальянским звучанием.

Марго слушала, и ей было хорошо как никогда, она вместе с Любой радовалась, что они волей случая остановились здесь и попали именно в этот ресторан.

Джаник вернулся из кухни, в руках он нес поднос со снедью: здесь были и креветки, и маринованные оливки, и какие-то маленькие рыбки, сыры, было похоже, что Джаник хотел на одном подносе уместить весь арсенал итальянской кухни. И как ни отказывались Марго и Леонид, они попробовали практически все, иначе Джаник обидится, предупредила Люба.

Около часа ночи они отправились на островную часть, Джаник сидел за рулем новенькой «Ауди», Люба села рядом, из приемника лилась песня на итальянском, Люба подпевала, Джаник комментировал Люблино пение. Женщина делала это так самозабвенно, что Марго поинтересовалась, о чем песня.

– О любви, конечно. У итальянцев все песни о любви, – заметила Люба, настроение ее мгновенно изменилось, она

погрустнела.

За окном мелькали огоньки, они мчались по мосту соединяющему островную и материковую части Венеции. Джаник высадил их на площади, пожелал хорошей прогулки и уехал.

– Ему в четыре утра на рыбный рынок ехать, он сам покупает все морепродукты для ресторана, – пояснила Люба, – зато у нас всегда все свежее, у нас много клиентов. Это семейный ресторан. У итальянцев ведь как? Собираются по выходным большой семьей, заказывают стол и сидят до позднего вечера. В выходные к нам приходят помогать родные Джаника, мы не справляемся, народу столько, – Люба жестикулировала, показывая, как много народу, но глаза ее при этом оставались грустными.

Марго спросила: может, что-то произошло? Может, Любе лучше домой, муж недоволен.

– Да ты что? – Люба возмутилась. – Да Джаник рад-радешенек, что я с вами, он ведь сам первый предложил, сказал, чтобы завтра вы обязательно к нам пришли. Джаник, он очень добрый, и меня он любит, – произнося последнюю фразу, Люба отвернулась, но от Марго не ускользнуло, что женщина украдкой вытерла глаза.

– Ну я же вижу: что-то не так, – Марго не отставала, все-таки врожденное чувство такта не давало ей покоя, что из-за них что-то нарушилось в интернациональной семье.

Они сели на кораблик, Люба кинула пару эмоционально окрашенных фраз молодому итальянцу, он так же эмоцио-

нально ответил. И опять им повезло, оказывается, последний кораблик, он уже не работал, но по Любиной просьбе взял на борт русских друзей.

– Ты его знаешь? – поинтересовалась Марго.

– Здесь все в той или иной степени друг друга знают, – уклончиво ответила Люба.

Они стояли на открытой палубе, дул ветерок, но было совсем не холодно.

Леонид пытался фотографировать, перебегая с одного борта на другой. Марго смотрела не отрываясь на проплывающие волшебные замки, палаццо. Они выросли из воды, подсвеченные снаружи и темные внутри, усиливая таинственность и величие происходящего. Люба стояла рядом и молча смотрела на убегающую воду. Над темной водой одиноко пронеслась белая чайка. Люба подняла глаза, рука ее взметнулась вверх, как крыло птицы, она повернулась в сторону Марго и заговорила, голос ее был тихим и спокойным:

– Мне ведь недолго осталось быть хозяйкой, скоро Джанику привезут молодую девушку, откуда-нибудь из деревни, – она вздохнула.

– Как это? А ты?

– А я не жена. У итальянцев в доме мама главная, пока она разрешила сыну жить с русской. Джанику сорок, скоро он должен жениться и завести детей, тогда мне придется уйти. Я на него не в обиде, он сам переживает, хочет что-то для

меня сделать, но... – Люба махнула рукой, – все это завтра, а сегодня я покажу вам Венецию, которую я очень люблю.

Кораблик причалил, они вышли на набережную. Итальянец прощально махнул рукой, лодка скрылась в темноте, как будто ее и не было, Люба самозабвенно начала свой рассказ. Они шли по перепутанным узким улочкам, которые все время приводили к воде. Вода была везде, если Марго ее не видела, то слышала, или плеск, или стук лодки о каменный причал.

– Вот как ты думаешь, почему большинство людей так стремятся побывать в Венеции? – Вопрос Любы прозвучал неожиданно, и Марго ответила первое, что пришло в голову:

– Город стоит на воде, это необычно. А ты?

– А я думаю, что этот город очень похож на самого человека, ведь человек – это тоже водная субстанция, девяносто процентов, и Венеция – это вода, вот человек и стремится посмотреть на самого себя. Поэтому кому-то этот город становится близким, а кто-то вспоминает только запах тины и голубей на Сан-Марко. Это о том, любит человек себя или нет, – глубокомысленно произнесла Люба.

– Это все доморощенная философия, – неожиданно вступил в разговор Леонид. – Люди стремятся увидеть мировое наследие, потому что это может исчезнуть, и если уж давать философский окрас, то это скорее про время, люди боятся не успеть, – Леня нажал на кнопку и запечатлел очередное наследие.

Они гуляли по ночной Венеции до утра. Рассвет встретили на Сан-Марко, где не было ни единого голубя и ни одного человека, вся эта ночная прогулка была почти нереальной, только русская женщина Люба, влюбленная в Венецию, была в то утро настоящей. Они расстались возле отеля, Люба взяла обещание, что они обязательно зайдут к ним в ресторан на обратном пути. Марго с Леонидом пообещали, но не зашли, как-то не сложилось.

Позже они были в Венеции, Марго хотела заглянуть в ресторанчик, но что-то останавливало её: она боялась не увидеть там Любы, пусть сказка останется с хорошим концом, а хороший конец – это Люба и Джаник вместе, но это в сказке.

Рита смотрела на хозяина за стойкой бара, на его собеседников. Что она здесь делает? Пришла мысль. Одна в Новый год, кому и что она хочет доказать? Вопросы сыпались, а ответа на них не было. Но если исходить из позиции, что случайностей нет, а есть движение и не сопротивление обстоятельствам, то Рита оказалась именно в Венеции, все совпало. И что? Что она должна здесь узнать? «Ты приехала за ответом. Вот только вопрос, в чем он заключался? Я сама не знаю, чего хочу». Рита поднесла чашку к губам и сделала глоток. Что делать?

Телефон в кармане пискнул, от Леонида пришло послание со множеством восклицательных знаков, на звонки Рита не отвечала. Она коротко ответила поздравлением с наступа-

ющим Новым годом и убрала телефон. Пусть наслаждается, он-то найдет себе компанию. «А что мешает тебе? Тебя тоже пригласил вполне симпатичный молодой человек. Не верю. Вот оно, ключевое слово, ты не веришь, и в первую очередь себе. Куда подевалась Рита, Риточка Ритуля, обласканная и любимая? Когда ты стала холодной и бездушной Марго, которая взвешивает, смотрит со стороны, которая обманывает сама себя?»

Рита смотрела в чашку с золотистым напитком, как будто ответ был написан именно там. Она опять вспомнила Любу, ее сумбурный рассказ о том, как она оказалась в рождественскую ночь на вокзале и ей встретился Джаник. Она поверила ему, а Рита нет. Почему? Потому что она не Люба, хотя ведь история до банальности похожа. Любу предал любимый человек, она села в поезд и приехала в Венецию, правда все это было в другое время и в другой стране, но предательство, оно и в Африке предательство. Кстати сказать, Люба ехала из Парижа и предателем из ее рассказа, был не больше не меньше дипломат одной из Африканских стран, и мальчик в Москве, их сын, был темнокожим, Люба была разлучена с детьми, предана, и она поверила. Значит? Значит, надо встать, пойти в отель, привести себя в порядок и дать себе шанс поверить.

В восемь вечера, как и было условлено, Рита стояла на мосту Риальто. Кирилл не было.

Вот и ответ. «Жду пять минут и ухожу». Рита нервнича-

ла, перебирала ручки сумки и поправляла шелковый платок на шее. Голос сзади прозвучал неожиданно:

– Добрый вечер, Риточка.

Рита повернула голову. Из-за плеча она увидела карнавальную маску, но рассмотреть не успела, Кирилл убрал маску от лица, он улыбался.

– Прошу прощения за опоздание, но я попал в такой людской поток, что просто невозможно было сопротивляться. Все высыпали на улицу, – он сделал круг рукой, – да вы и сами видите.

– Добрый вечер, – Рита почувствовала, что испытывает стеснение, как будто она делает что-то не вполне дозволенное, но Кирилл быстро подхватил ее под руку, и они поплыли, соединившись с людским потоком, в котором царило веселье и беззаботность. Кирилл вел себя очень предупредительно, стараясь оберегать Риту от толпы, которая, как пружина, сжималась и уплотнялась. Они приближались к набережной, где должен был состояться новогодний фейерверк. Кирилл был вынужден прижать Риту к себе, чтобы людская волна не разъединила их.

Ритино лицо на мгновение уткнулось в грудь Кирилла, она уловила тонкий аромат мужских духов, горький и пряный, она услышала, как бьется его сердце. Нет, это ее сердце колотилось со скоростью света, ее щека прижалась к его руке на мгновение, но ей показалось, что он нежно погладил ее висок. Толпа качнулась, и они оказались на свободе. Ри-

та резко отстранилась, но рука Кирилла продолжала крепко держать ее за плечи.

– Вот уж нет, я так долго тебя искал, что вот так просто потерять в толпе. Никогда, – голос молодого человека звучал серьезно, и было непонятно, шутит он или говорит правду.

– Вот что, Риточка. У меня есть предложение, но сначала я должен задать тебе один вопрос. Ты готова меня выслушать?

– Выслушать готова, а по поводу предложений сразу скажу, что необдуманных решений я не принимаю.

– Это я уже понял. Так вот, Рита, – начал Кирилл так, как будто говорил с трибуны и в зале было множество слушателей, – ты очень хочешь увидеть этот фейерверк? – остаток фразы прозвучал на выдохе, и Кирилл поник головой, – сразу стала понятна его игра и откровенное нежелание следовать в потоке хоть и веселой, но непредсказуемой толпы.

– Нет, – радостно проговорила Рита, – я вообще не люблю скопление людей, мне неудобно, да и громкие звуки меня пугают, – добавила она.

– Вот и чудесно, между нами появилась общность, я тоже с детства не люблю эти шумные толпы демонстрантов. Стадность не мой конек. Здесь неподалеку есть чудесный маленький ресторанчик, я почти знаком с хозяином, его зовут Джаник... – от глаз Кирилла не ускользнула тень, пробежавшая по лицу Риты, и он задал вопрос: – Что-то не нравится? Мы можем все переиграть. Сегодня Золушка правит бал, – он

улыбнулся.

– Нет, нет. Все в порядке, – поспешно ответила Рита.

Мало в Венеции Джаников, что она так занервничала?

– Очень хорошо, рестораник действительно славный, я там бывал, кстати, мишленовская звезда у них была, а сейчас, может, и не одна.

– Это не имеет значения, – Рита съежилась. – Я к звездам спокойно отношусь, иногда пышки или кусок черного хлеба вкуснее, чем фуагра.

– Ну вот, опять я не угадал, – голос был расстроенным. – Я все пытаюсь найти точки соприкосновения, одна моя знакомая, кажется психолог, говорила, что их должно быть как минимум десять.

– И что?

– Тогда возможно все, – Кирилл взял Риту за плечи и попытался обнять. Рита вытянула руку вперед отстраняясь.

– У нас нет совпадений. Хотя в одном месте и в один час – это, может быть, аргумент, но не для меня. Я не верю в совпадения и случайности, и любой сюрприз обычно тщательно готовится.

– Ну что же ты такой Фома неверующий! А то, что мы толпу не любим? Это, по-твоему не точка соприкосновения?

– Ладно, уговорил, – Рита поймала себя на том, что так просто перешла с Кириллом на «ты».

Удивительно, но факт.

Лицо Кирилла просияло, он уловил легкое дуновение теп-

лого ветерка.

Они свернули в узкую темную улочку, удаляясь от людского потока в глубь острова. Вода покинула город, уступив место людям, и они не заставили себя ждать. Отовсюду слышалась громкая итальянская речь, народ, скрывавшийся за дверями отелей и домов, высыпал на улицы. И все-таки здесь было намного тише, чем на набережной.

Кирилл и Рита шли рядом, чуть касаясь плечами, мужчина был все так же одет в куртку, только джинсы сменили брюки, все тот же кашемировый шарф, небрежно повязанный вокруг шеи, но в этой небрежности угадывалась продуманность деталей. Все было в тон, не вычурно и элегантно.

Они шли как будто без цели, сворачивая то на одну, то на другую улочку, Рита давно потеряла все ориентиры, вокруг становилось тише. Кирилл молчал, и Рита могла оставаться наедине со своими мыслями: она отметила, что молчать с Кириллом очень легко, не надо поддерживать беседу, и это не тяготит, внезапно сквозь внутреннюю тишину Рита услышала голос, Кирилл читал стихи:

– «Солнце садится и бар на углу закрылся. Фонари загораются, точно глаза актриса...» – Кирилл остановился и посмотрел на спутницу.

– «...Окаймляет лиловой тушью для красоты и жути» – закончила Рита. – Ты любишь Бродского?

– Прочитал где-то и понравилось. А ты?

– Я люблю, – Рита замолчала, они стояли опять у воды,

где в тусклом освещении фонаря билась еще неуспокоенная вода. – А ты знаешь, что Бродский похоронен здесь, в Венеции?

– А здесь разве есть кладбище? – Кирилл искренне удивился.

– А ты думаешь, здесь люди живут вечно?

– Я об этом вообще не думаю, – Кирилл сделал шаг вперед и протянул руку Рите, предлагая продолжить путешествие. – Пойдем, здесь уже недалеко.

Рита замерла глядя на мужчину. В который раз она задала себе вопрос, правильно ли она делает, намереваясь провести вечер с малознакомым человеком, но то, что он искренне признался, что строчки ему просто понравились, и судя по всему, он и не знает кто такой Бродский, показалось Рите хорошим знаком. Искренность, которой так мало в ее жизни и в их так называемом высшем обществе, непозволительная роскошь. Может, это как раз тот самый попутчик, с которым можно просто посидеть ночь, без обязательств. Рита протянула руку и улыбнулась. «Попутчик – это тот, с кем по пути, а сегодня мне по пути с этим милым Кириллом». Больше Рита ни о чем думать не хотела. В конце концов, Новый год, должен быть и у нее. Она взглянула на стрелки часов: они близились к десяти, по Москве уже приближалась полночь.

– Новый год пропустим, бежим, – Рита схватила Кирилла за руку, ей стало легко, она вдруг почувствовала, что чудо совсем близко, что карета не превратится в тыкву ровно

в полночь и сказка рядом с ней, стоит только протянуть руку.

– Елки-палки, – в сердцах проговорил Кирилл, – а я совсем забыл, что у нас разница в два часа. Давай быстрее, – он крепко сжал Ритину ладонь и быстрым шагом они свернули в очередную узкую улочку, и неожиданно перед ними открылась небольшая площадь. Рита узнала театр Ла Фениче, небольшой фонтан перед входом, сквозь перчатку она чувствовала тепло руки и уверенность, с которой мужчина держал ее.

– «Antiko Martini», – прочитала Рита надпись. На маленькой табличке красовался символ, говорящий о том, что ресторан действительно удостоен звезды Мишлена.

– Успели, – произнес Кирилл, распахивая двери ресторана.

Метрдотель встретил их со счастливой улыбкой, так, будто к нему на ужин заглянули близкие друзья: повсюду царило праздничное возбуждение. Их посадили за небольшим круглым столиком, покрытым белой накрахмаленной скатертью, в самом уютном уголке зала. Подсвечник с горящими свечами, повсюду раздавалась разноязычная речь.

Рита почувствовала, что она очень хочет есть, ведь последние два дня она только пила капучино и чай. Глядя на замысловатые названия итальянских блюд, она подумала, что хочет все и что нет сомнений, что все это вкусно, ведь мишленовская звезда говорит о том, что здесь отменная кухня и отменный шеф-повар. Кирилл читал меню на итальянском

неспешно и вдумчиво.

Подошел официант, Кирилл быстро заговорил на итальянском. Рита опять поняла только «уно моменто». Через минуту подошел молодой человек в черном костюме, мало похожий на итальянца, со смуглой кожей, черными как смоль кудрявыми волосами и самое примечательное в его лице – небольшим вздернутым курносым носом, точь-в-точь как у героя мультика про Антошку. Это был сомелье ресторана, звали его, как ни странно, Антуан. Он порекомендовал тосканское белое вино, Кирилл попробовал, одобрительно кивнул. Риту всегда смешила эта церемония выбора вина, по крайней мере, когда это делал Леонид, который любил сладкое советское шампанское и считал его лучшим на свете, а все эти сухие вина были для него обычной кислятиной, но об этом знала только Рита. Для всех остальных он очень хорошо разбирался в винах, сыпал названиями, годами урожая и всегда снимал пробу с умным сосредоточенным лицом, долго перекатывая жидкость во рту, раскрывая весь аромат, при этом думая, куда бы выплюнуть эту гадость.

– Хорошее вино? – пряча улыбку, спросила Рита.

– А черт его знает, наверное хорошее, судя по тому, что о нем рассказывал этот парнишка.

И опять Рита отметила про себя, что Кирилл не строит из себя гурмана и знатока. Отвечая на его искренность, она чуть наклонилась через стол, приблизив свое лицо к нему, и произнесла:

– Я сейчас слона съела бы, есть ужасно хочется.

Кирилл улыбнулся и положил ладонь на ее руку. К ним подошел официант, чтобы принять заказ, и Рита убрала руку, но тепло прикосновения стало медленно растекаться по всему ее телу, и где-то в самом центре, там, где, многие предполагают, живет душа, она почувствовала легкое прикосновение темной южной ночи.

Без одной минуты десять на их столике появились два бокала, наполненные шампанским. Они соединили бокалы, глядя в глаза друг другу, и Рите показалось, что в этот момент никого ближе нет на этой Земле, даже любимая дочь Вика уплыла в этот момент куда-то вглубь Адриатического моря, но ненадолго. Не успела Рита выпить искрящийся брильянтами напиток, как телефон зазвонил. На дисплее было смеющееся лицо дочери, в сердце Риты щелкнуло, боль пронзила и остановилась в солнечном сплетении, она боялась вопросов дочери, предполагая, что рядом стоит Леонид и придется врать, потому что для правды она не готова.

Но, на удивление, дочь просто поздравила ее с Новым годом, добавила, что она за нее очень рада, правда, чему радовалась Вика, Рита не поняла, но, нажав отбой, испытала облегчение.

Леонид не позвонил. Рита отметила, что молчание мужа ее почти не задело, наоборот, она сама испытывала что-то похожее на чувство вины.

Рите позвонили родители, несколько не удивившись, что

дочь в Венеции: они давно привыкли, что она живет рядом, но в то же время очень далеко. Леониду передали поздравления, так же не сомневаясь в том, что они вместе. На этом поздравления закончились. Рита вдруг отчетливо поняла, что в ее мире есть только семья, несколько полуприятельниц и на этом список заканчивается. Она посмотрела на Кирилла. Мужчина сосредоточенно набирал текст: то ли отвечал на поздравления, то ли сам кого-то поздравлял, лицо его было слегка опущено, тонкий заостренный нос, глаза прикрыты, в неясном мерцании свечей его лицо стало похоже на злую маску, но это длилось мгновение. Мужчина оторвал взгляд от дисплея, уловив пристальный взгляд Риты, истолковал по своему:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.